

Константин ГНЕТНЕВ*г. Петрозаводск*

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?*

Ф. Тютчев

Государь принял архангельского губернатора Качалова перед обедом. Человек искушённый, губернатор понял, что аудиенция будет коротка: император любил порядок и обедал с семьёй всегда вовремя. Офицер провёл Качалова сквозь анфиладу красивых и пустых залов и плотно притворил за спиной тяжёлую дверь. Александр II стоял у окна громадного кабинета. Высокий, по-военному стройный, в повседневном мундире без золота аксельбантов и орденов, он смотрел строго и заинтересованно.

— Надеюсь, милостивый государь, вы вполне понимаете значение северного края? — начал он без предисловий. Император подошёл к столу и жестом пригласил губернатора подойти поближе.

— Многострадальное Отечество наше пережило кровопролитные войны. Россия крайне нуждается...

Александр перебрал бумаги на столе, нашёл ту, которую искал, пробежал глазами и отложил.

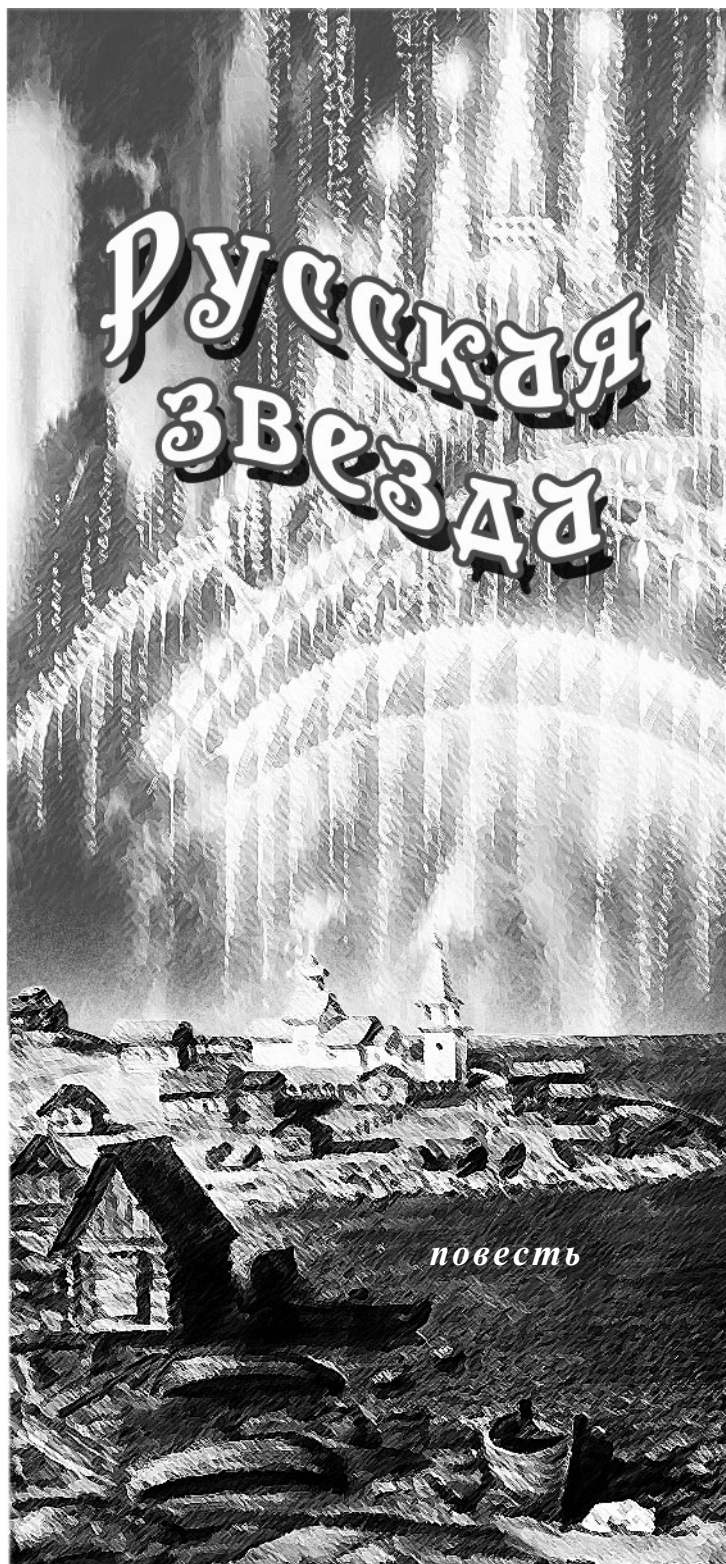
— А главное золото казне приносят только хлеб и лес. Лесная торговля, в свою очередь, во многом зависит от вашей распорядительности и усердия.

И он посмотрел на Качалова долгим испытующим взглядом.

— Мы понимаем это, Ваше императорское величество, — поспешил согласиться Качалов.

— Мне доставили записки ваших предшественников, я их прочитал, — Александр II кивнул на широкий стол с бумагами. — И Гартинг, и князь Гагарин сетовали на неразвитость собственной переработки и засилье иностранцев.

— Мы поправляем дело, Ваше императорское величество, — отвечал Качалов. — Но вы-

нужденно признаюсь, это трудно. Смею напомнить, ещё пятнадцать лет назад среди купцов первой гильдии в Архангельске не было ни одного русского. Сейчас торговля лесом в наших руках. Но иностранцы теснят, стараются ворваться в лесное дело и снова захватить его в свои руки.

— Приходят ли в северные пределы купцы, способные репутацией и капиталом противостоять иноземным?

— Приходят, Ваше императорское величество. Братья Беляевы построили новый лесопильный завод и думают строить новый.

— Какие Беляевы, выборгские? Петра Аврамовича сыновья?

— Смею напомнить, после Крымской кампании Ваше императорское величество изволили пожаловать им потомственное гражданство и звание коммерции советника.

Александр II отыскал на столе какую-то бумагу, взял перо, быстро надписал что-то на уголке и протянул губернатору. Качалов с поклоном принял. Это было прошение купца первой гильдии М.П.Беляева на выделение леса с казённых лесных дач близ селения Сорока Кемского уезда Архангельской губернии. Резолюция императора начиналась словами: «Желая одобрить сие общепольное предприятие...»

— Ступайте с богом, Николай Александрович. Жду от вас сообщений о местных нуждах и работы, работы и ещё раз работы.

Качалов откланялся и, пятясь, отступил к двери. Император поднялся из-за стола и жёстко продолжил мысль, которая, видимо, давно сидела занозой в его голове:

— Иностранцы зарабатывают у нас капиталы, и только. Мы же стараемся во славу Отечества нашего любимого. И отступать ни перед кем не станем.

1

Лето в Петербурге выдалось ранним и на редкость тёплым. Неожиданно пришла белая ночь, и, как это бывает каждый год, столичные обыватели потеряли сон. Да разве к такому привыкнешь? Белая ночь всегда приводит с собой неприметную поначалу перемене-

ну. Зыбкое, прозрачное марево опускается на дома, и предчувствие ночи томит и волнует душу. Хочется просто смотреть на светлые окна в доме напротив и слушать, как редкие извозчики развозят на пролётках засидевшихся гуляк. И он, как и многие горожане в такую пору, подолгу стоял у окна и слушал музыку конских копыт на булыжнике Николаевской. Больше всего ему не хотелось сейчас собираться и куда-то ехать. Но ехать было необходимо, и ехать далеко.

Часу в четвёртом пополудни в кабинет заглянул Сергей. Он был возбуждён и говорил то ропливо. Ему это не шло.

— Собираешься?

— Очень неохота, Серёжа, но надо. Что в этой тмутаракани делать? Дорожная грязь, оборванцы, скукота, общества нет — словом не с кем перекинуться. Но телеграмма от губернатора, да с лесными дачами нужно разобраться. Завод-то скоро готов будет.

Сергей окинул взглядом разбросанные вещи, раскрытый дорожный саквояж и предложил:

— Зайди ко мне после ужина, поговорим. Тут со мной вышла история, чисто из пошлого французского романа. Расскажу.

— Да что же опять такое?

— Не сейчас. Теперь мне в судебное заседание, опаздываю...

Сергей недавно окончил курс по юридическому факультету, немного адвокатствовал, а теперь состоял в помощниках присяжного поверенного. Дело ему нравилось, он всё время был занят, и глаза его горели.

После ужина прямо в домашнем сюртуке и сорочке с распахнутым воротом Митрофан спустился к Сергею. В столовой они сели у окна, и пока прислуга убирала приборы, пили чай и тихо говорили о делах и лете, сетуя, что опять не придётся хорошо отдохнуть. Впереди настройка и запуск сороцкого лесопильного завода, хлопоты до глубокой осени. Пока не закроется судоходная навигация, и думать нечего, чтобы выехать за границу.

— Что же за история? — вспомнил Митрофан. — Ты меня совсем заинтриговал.

— Нипочём не догадаешься, — оживился Сергей. — Французский роман, как есть роман! Расскажу...

Он поставил стакан на столик, звякнула о тяжёлый подстаканник серебряная ложечка, откинулся в кресле и сделал драматическое лицо, словно начинающий актёр.

«Чисто артист, — подумал Митрофан, с некоторой насмешкой глядя на брата. — Зря адвокатуру бросил, то-то сценки закладывал в заседаниях. Публика валом бы валяла».

— Ужинал вчера у Зееста, на Александринской, — начал повествование Сергей. — Смотрю, поздно, надо домой. Взял извозчика и только свернул в проулок, какая-то рожа из двора выбегает и хватя лошадь за узду. Ну чисто чёрт: лохматый, глаза сверкают! Не успел сообразить, второй к коляске подсакивает и противным голосом говорит, мол, надо бы денежку, барин, не доведи до греха...

У извозчика кнут и свисток, нет чтобы городского звать, так он, каналья, голову в плечи и съёжился. Только я хотел с коляски сойти, смотрю, человек идёт, вроде молодой, но хромота сильно, и прямо к нам. Всё, думаю, пропал: третий разбойник на мою голову. А хромой как махнёт, один вор повалился — шапка в сторону, сам в другую. И сразу к тому, что лошадь держит, и снова — как колотушкой, и тот посыпался. Удаде-е-ец!

«Спасибо, братец! — говорю хромоту. — Спас ты меня от разбойников!» А у самого руки трясутся. Хотел дать на водку, а в кармане ни полушки. Полтора рубля за ужином просидел и не заметил. Спрашиваю, как зовут-то тебя? «Архип», — отвечает. «Нечем мне тебя наградить, Архип. Возьми карточку и приходи завтра ввечеру, я должник твой. Адрес здесь».

— Надобно сказать тебе, брат, бросил бы ты студенческие привычки с цыганами до полуночи ужинать. Остепенись наконец, ты в службе теперь!

— Жду вот спасителя, рубль дам и с тобой познакомлю. Каков всё-таки молодец!

— А мне-то он зачем в знакомцах, твой удадец хромой?

— Ты же любишь народные типы. Вот тебе ещё один, дарю, да какой редкий.

Снизу доложили, что к Сергею Петровичу пришли, карточка у него.

Вчерашний спаситель предстал в облике молодого казака, недавно стриженного, а теперь

уже с небольшим чубом и вьющейся бородкой. То ли от волнения Сергей не приметил на нём гимнастёрки, то ли была накидка, но вот хромоту запомнил точно. Это был он.

Казак вытянулся у двери:

— Здравия желаю, ваше благородие! — приветствовал он братьев.

— Здравствуй, здравствуй, Архип! Проходи к столу, выпей с нами чаю.

Неслышно ступая по паркету в мягких сапогах и сильно припадая на левую ногу, казак подошёл к столу. Был он невысок, выглядел сильно похудевшим, хотя сила чувствовалась в развороте плеч и в уверенности рук. Старую, латанную по подолу гимнастёрку украшал Георгиевский крест. Видно, казак готовился к визиту: и сапоги, и даже ремень маслянисто отсвечивали свежей смазкой.

— Это Митрофан Петрович, — представил Сергей брата. — Посиди с нами, расскажи про себя, где воевал?

Казак вскочил из-за стола:

— Тарусов Архип, младший урядник четвёртого батальону Кавказской казачьей бригады. Три дня как с лазарету, по ранению.

— Не надо вскакивать. Мы не генералы. Я служу в присутствии, Митрофан Петрович по купеческой части.

Заметив, что казак, так и не пригубив, аккуратно отодвинул стакан с чаем, Сергей налил анисовки. Тот двумя пальцами взял лафитник и с чувством выпил.

— Привычка, ваше благородие. Уважение должен выказать. Служба, куда от неё денешься.

Сергей налил ещё.

— Давно ли служишь? Где довелось повоевать? Казак не спеша поднял рюмку, медленно и снова со вкусом выпил.

— Долгий разговор, ваше благородие.

— Мы не торопимся. Да, Митрофан Петрович?

Брат глубже уселся в кресло и ничего не ответил, явно давая понять, что выслушивать длинные рассказы не настроен, но пока готов терпеть.

— Мне с этим, можно сказать, повезло: с туркой надьсь повоевал, — начал рассказ Тарусов. — Генерал Гурко направил нас из Чурьяка на Софийское шоссе. Вроде как жолнерам на подмогу, солдатам то есть. Мы пришли, а наших полков нету: ни преображенцев, ни коз-

ловцев. Пришлось самим воевать. Мне Егорий там и дали. В те дни и ранило меня крепко...

Помолчали. Сквозь плотно, по-зимнему закрытые рамы в столовую едва доносились звуки проезжающих пролёток. Кухарка лениво бранилась у двери с молочницей, упрекая её в неаккуратности...

Сергей поднял графинчик с анисовкой, поддержал, раздумывая, наливать казаку третью или много будет, всё-таки после больницы, и всё же налил.

— Сколько же тебе лет?

Как и в первый, так и во второй раз Архип аккуратно поднял рюмку и медленно выпил. За медленностью этой, за растяжкой можно было угадать, как давно не доводилось казаку пригубить хорошего вина.

— Моё почтение, ваше благородие. От роду поболее двадцати одного года, три из них отслужил в строю, хоть и не в первой линии. Землю пахать, сад рóстить да деток заводить рано пока. Вот вылечусь и...

Какая-то мысль неожиданно посетила Сергея. Он встал с кресла, оживлённо прошёлся кругом по комнате, снова сел.

«Вот неймётся брату, — недовольно думал Митрофан. — Мне в дороге, а он тут беседы беседует. Интересно ему, видишь ли».

— Как звать тебя по отчеству, казак?

— Ивановичи мы.

— Архип Иванович, тут вот такое дело. На тебе рубль за вчерашнее, и спасибо ещё раз, что выручил! Но вот что хочу тебе предложить. Завтра брат уезжает далеко, в город Архангельский, а потом ещё далее — в страны полярные. Не согласишься ли поехать с ним? Тебе всё равно в бригаду рано. Сам видишь, подлечиться нужно. А пока съездишь и поможешь, если придётся, как мне помог, или по хозяйству чего. Трудно в пути одному, понимаешь. Сам походная душа.

Больше всего предложению брата изумился Митрофан Петрович.

— Серёжа, да ты что? Зачем ты мне... — он перешёл на английский: — *Why are you trying to burden me with a cripple? It will cost me a hundred to pass on my own, and you want me to drag a traveling companion. What am I going to do with this limping Cossack of yours?*¹

— *Brother, you don't know this road, and you*

*don't know this country. Just a few days ago, there was a hearing in court — some men were robbed and killed on the post road near Vytegra. Come on, better keep your head on your shoulders than keep a handful of coins. Anyway, he may help you out with your affairs... and with your bag.*²

Архип выждал паузу, дождался, когда братья закончат спор на непонятном языке, и спросил:

— Это навроде конвоя, что ли?

Митрофан Петрович аж взвился от слов казака:

— *I am not of royal family, to go about my business with convoy*³...

Не слушая реплик старшего брата, Сергей невозмутимо продолжал беседу.

— Так сможешь выехать с братом, Архип Иванович? Поди, дома жена ждёт, дети?

— Бурлак я, ни жены, ни хозяйства. А если в полярные страны съездить, — почему не могу, могу. В разных краях бывал, а в полярных не доводилось.

— Ну, вот и договорились.

— Митрофан Петрович, послушай, — Сергей обратился уже к брату, — возьми Архипа в помощники. Знаю, благодарить будешь...

Митрофан Петрович поднялся. Он устал за день, и ни слушать, ни спорить сил не осталось.

— Завтра в девять жду тебя у подъезда, — сказал казаку и пошёл к себе собираться...

2

Архип Тарусов вышел на улицу, и в голове А его весело шумело.

«Прав барин, — думал он. — Жидковатый я пока. Надобедь поотдохнуть после гошпитала. Ишь, с третьей рюмки понесло, прям смех. Сказать кому — не поверят...»

¹ Инвалида подсовываешь в напарники? Мне одному прогонные в сотню обойдутся, а ты ещё попутчика навязываешь. Что я с ним делать буду, с казаком твоим хромым?

² Ты не понимаешь, брат, что это за дорога и что за страна. Только наемни слушали дело о грабеже и убийстве на почтовом тракте возле Вытегры. А деньги — что они при твоём капитале? О голове подумай. Да и поможет в делах, и саквож-то сам потаскай-ко...

³ Я не особа императорской фамилии, чтобы по делам с конвоем выезжать...

Он пошёл по Николаевской к Невскому проспекту, но потом остановился и повернул обратно. На Невском всегда людно, тут экипажи, прохожие, толкотня. Он не любил этого. И домой не хотелось. Да и что там делать, в чужой маленькой комнатухе с единственным окном на глухую стену соседнего дома. Стена его раздражала. «Как в остроге», — думал он, хотя никогда в остроге не был.

Архип свернул во дворы и оказался в небольшом сквере. Здесь было покойно и тихо. Только пожилая нянька сидела на лавочке и следила за детьми. Дети, мальчик и девочка, степенно, совсем не по-детски гуляли рука об руку по дорожкам и о чём-то, так же степенно, разговаривали. «Господа растут, — подумал он о детях с восхищением. — Чисто старички. У нас таких не бывает».

Тарусов присел неподалёку. Вспомнилась ему выбитая до каменной твёрдости почва домашнего двора-база, прокалённая зноем степь, топот десятков копыт хуторских коней и они, мальчишки, без сёдел, охлюпкой, мчавшиеся наперегонки со свистом ветра в ушах и восторгом в маленьком сердце. Как там сейчас? Что делает мама? Вспоминает ли о нём, печалится ли о его ранении? Ведь знают уже, знают, кое-кто из станичных уже воротился по ранению, сообщил. Как бы ему хотелось сейчас оказаться дома, напиться утреннего молока и просто сидеть на крыльце и смотреть на степь и облака, что медленно плывут у самого горизонта, где небо и степь соединяются в одну тонкую нитку. Вот удивляются, что молод, а уже повоевал и награждён, думает он. И в госпитале при осмотре доктор качал головой: «Уже и мальчишек в бой отправляют...»

Мальчишка... Доктор не знал, что на майских лагерных сборах казак Тарусов оказался лучшим из всего приготовительного разряда. За стрельбу с лошади на скаку принял из рук командира первую награду во всём полку — ружьё и 5 рублей 34 копейки, а за наездничество папаху и нагрудный патронташ. Странные люди! Потому-то он и попал на войну, минуя положенные сроки. Урядник не раз говорил и ему самому, и при офицерах: «Добрый казак буде. Отцу кланяйся. Всему научил».

Да, что он без отца. Так много значил он в

его судьбе, так много дал, что всю жизнь кланяться и кланяться.

Расспросы разбередили пережитое, и теперь он не мог заглушить в себе воспоминания о недавней войне. В памяти возникли горы и шоссе, за которым залегли турки, когда им дали по зубам казаки. И мороз под тридцать градусов, и снег по пояс...

Архип вспомнил нервное нетерпение тех минут, темень и громадные звёзды на иссиня-чёрном чужом небосводе. Не до холода там было. Все на нервах. Но знали, что лежать нельзя — и сам не заметишь, как поморозишься. Но выдержали, дали туркам атаковать первыми, а когда те выдохлись и залегли в снегах по грудь, их батальон бросили в контратаку. А туркам уже некуда деться: скатиться с гор легко, они и скатились, а забраться обратно, отступить — как тут отступишь...

Ух, что же там было — в глубоком снегу, в совершенной темноте! Хрип, вой, выстрелы в упор, звяк шашек, стоны раненых и предсмертный, беспомощный визг умирающих...

Он молод, очень силён и излишне горяч. Это первый его бой. И какой бой!

Тарусов вспомнил, как его выручил урядник. У Архипа застряла в снегу нога, он упал на колени и непременно получил бы кривой турецкой саблей по голове. А урядник... Каков молодец! Насадил на штык здоровенного турка, дотянувшись через него, упавшего, в мощном броске. Как благодарен ему до сих пор...

Что же, война, война... Вылечусь и снова в строй пойду. Знакомые станичные казаки не первую войну ломают. Если казаку не воевать, на что он нужен...

«Съезжу с барином в город Архангельский, — решил он вставая, — северные пределы посмотрю, а потом можно и в бригаду».

Тарусов вспомнил Митрофана Петровича и подумал, что тот постепеннее, поосновательнее будет брата. Ишь как: молчал всё, думал, а говорил коротко и только о делах. «Этот по ресторанам ночью не шатается», — решил про старшего Беляева Тарусов.

От Петербурга до Лодейного Поля за окном почтового тарантаса всё поля и поля. Но Митрофан Петрович Беляев уже не в первый раз ехал этим трактом. Он знал: потом, от Лодейного Поля до Вытегры, пойдут горки да лесные боры по скалистым кряжам и дорога станет труднее.

Казак не усидел в тарантасе и полдня. Задолго до первой почтовой станции взмолился:

— Не могу в ящике ехать, ваше благородие. Нам несвычно. Дозвольте на воздух?

Он пересел на облучок и сразу оживился, повеселел. Они с ямщиком нашли общий язык, о чём-то разговаривали и даже спорили, указывая то на одну лошадь, то на другую.

Митрофан с улыбкой вспомнил, как перед отъездом из Петербурга язвительно спросил Архипа: что, мол, ты за казак, да ещё в конвое, коль оружия у тебя никакого нету.

— А с кем воевать, ваше благородие? — ответил Архип серьёзно. — Не боись. Вор или утеклец какой, им и этого хватит, — и показал нагайку.

— Ты плёткой хочешь от разбойников отбиться? — удивился Беляев. — А если у них топор или ружьё?

— Это не плётка, — хмуро поправил казак. — А топор там или ружьё... Какая разница, ваше благородие? Тут, разрешите доложить, наловка нужна. Без неё ничего не получится ни с ружьём, ни с топором. А откуда наловка у вора?

Митрофан не особенно понял, о чём хотел сказать казак, но об оружии больше не заговаривал. В свою очередь, рассказывать барину, чем плётка отличается от нагайки, Архип счёл излишним. «Какая ему разница, — подумал он без досады. — Городской...» Тем более не хотелось объяснять, что нагайка в руках казака может стать страшнее ружья.

Под стукоту колес и трясую дорожную маету Беляев вспоминал вчерашний разговор о войне. Рассказ казака тронул большое, натолкнул на воспоминания. Он вспомнил, как в 1856 году отец неожиданно собрал сыновей за столом и с тяжелым лицом объявил, что России придётся воевать и с Англией, и с Францией, и, наверное, с другими государствами. В столовой повисла гнетущая тишина. Отец сказал и о вынужденных переменах в деловой жизни.

Какие перемены? Что за перемены? Как им жить дальше? Они не понимали, что за этим следует, если война. Петр Авраамович бросил салфетку на стол, встал и твёрдыми шагами прошёлся по столовой. Они ждали объяснений. Но отец не стал вдаваться в детали.

«Да, да, война, господа, — сказал он жёстко. — Печально, весьма печально, — и добавил: — Надо по-новому понимать теперь, с кем и как в новых условиях вести дела».

Мама, Екатерина Яковлевна, встала из-за стола, закрыла лицо ладонями и ушла к себе. Он понимал уже тогда, что они с братьями недостаточно зрелы, чтобы всерьёз советоваться с ними по важнейшим делам. Петр Авраамович принимал решение сам. Но тот разговор Митрофан помнил и благодарен за него отцу. Может быть, впервые каждый понял тогда, что они не сами по себе, а вместе, что они семья. Именно тогда каждый почувствовал, как сразу повзрослел.

В Крымскую войну фирма отца не отправила партнёрам в Англию ни одного парохода с лесоматериалами, ни одной доски. И там не забыли этого. Он и теперь помнит, как шипели за его спиной в Лондонской конторе Foy, Morgan & C, когда после войны отец снарядил его в Англию возобновлять старые и заключать новые контракты.

— Вы, русские, никогда не станете настоящими бизнесменами, — говорил ему, развалившись в кресле, господин Морган. Он нёс убытки и теперь едва сдерживал раздражение и цедил слова.

— Вы не понимаете одной важной вещи. Самой главной вещи на свете. Бизнесмены не воюют. Пусть ссорятся правительства, пусть гибнут в окопах рабочие и крестьяне — это быдло, которому дали в руки оружие. Мы же только торгуем, мы только зарабатываем деньги. Всё равно чем и всё равно с кем. И никогда не перестанем делать этого...

За два военных года семья Беляевых потеряла не менее миллиона рублей дохода и к тому же примерно половину этой суммы перечислила на нужды обороны. Это громадные деньги. Семейное дело поддерживали кирпичными заводами на Шлиссельбургской, в Рыбацком и Марьино да пароходными перевозками на внутреннем рынке. Но об этом среди домашних не говорили ни тогда, ни позже, как вообще никогда не об-

суждали дома коммерческие дела. Но Митрофан помнил, каким мрачным ходил отец, как неожиданно на полуслове обрывал разговор и уходил в кабинет. Война впустую растрчивала его жизнь и рушила планы. Даже указ государя о почётном гражданстве лишь ненадолго разрядил атмосферу в беляевском доме.

Такой была Крымская война для семьи. Но потом случилась и Русско-турецкая...

Теперь он думал о том, что свои войны были и у казака Архипа Тарусова. Беляеву нестерпимо хотелось узнать, какими они были для этого простого и очень небогатого человека...

Конечно, о войне он знал, как знал всякий образованный и интеллигентный человек, гражданин воюющей страны. Статьи, сводки с театра военных действий, комментарии... Этим заполнялись газеты. Но Беляеву не нравился ни их тон, ни шапкозакидательская и оттого лживая манера. Как раз накануне он с раздражением прочёл в «Новом времени» глубокомысленные размышления об особенностях войны с турками: «Насколько можно судить наперёд, крупную роль в ней суждено играть конным пионерам, — писал автор. — В конные пионеры предполагается брать самых смелых, ловких и решительных солдат. Легко вооруженные, верхом на быстрой лошади, они имеют при себе в мешке на поясе несколько фунтов пироксилина для динамита. Ничтожное количество последнего, положенное на рельсы и зажженное, достаточно, чтобы отнести несколько фунтов железа на большое расстояние и таким образом в одно мгновение испортить всю линию железной дороги».

От статьи пахло ленивой послеобеденной папиросой.

Вторую ночь провели на почтовой станции в Вытегре. После ужина Митрофан Петрович вышел из душевой избы во двор. У коновязи храпели и взбрыкивали лошади. За береговым рядом изб до самого горизонта виднелась блестящая полоса Онежского озера. У рыбацких причалов кружили и кричали истошными голосами чайки.

Вечер казался излишне шумным для такого маленького городка. Он зашагал на окраину, присел на сваленные в беспорядке брёвна и стал глядеть на воду и лодки рыбаков, возвращавшихся с промысла.

Он чувствовал себя неловко, выпавшим из круговерти дел и почти бездельником. Почему-то подумалось о том, на что никогда прежде не находилось времени. Да, в Англии и в Европе на него смотрят как на представителя непостижимой для иностранца России — дикой, холодной, огромной и непонятной страны. А знает ли он Россию сам? Как это ни странно, но придётся признаться самому себе: нет, не знает.

Вот она, перед ним, — в нешироких здесь, на Севере, равнинах со скошенным сеном, в поросших высокой жёсткой травой поймах рек, в озёрном просторе, от которого слезятся глаза. И в плохих дорогах тоже, и в людях, одетых так, как трудно представить себе одетых не то что в Париже, но даже в Петербурге. Но это его страна и другой у него нет. И в Соробе, куда он когда-то ведь доберётся и где заканчивают строить его с братом завод, живут такие же люди.

На Севере прекрасная древесина. Беляев вспомнил, как представитель торгового агентства в Лондоне, коренастый и основательный мистер Уолкер, больше похожий на канадского лесоруба, чем на торговца, подозвал его к чурбаку, невесть как оказавшемуся на палубе судна с пиломатериалами, и нежно погладил срез.

— Такой древесины больше нет нигде на свете, — говорил он, указывая на смолистые обода годовых колец. Это очень надёжная древесина, господин Беляев. И дорогая.

При этом заговорщицки оглянулся — нет ли поблизости хозяина. Словно выдавал коммерческую тайну...

Да, завод даст прибыль. Она уже примерно сосчитана. Без таких подсчётов дела не начинают и банк денег не даст. Не в первый, конечно, год, но даст. Но ведь и людям, которые им поверят и придут на завод рабочими, нужны и заработок, и жильё, и школа. Завод, а скоро их будет в Соробе два, соберёт вокруг себя и станет содержать целый городок из сотен семей. В саквожье Беляева наброски рабочего плана с линиями улиц и подъездами, со школой и клубом. Он должен привязать план к заводу, чтобы городок начал жить сначала хотя бы в голове управляющего Агафелова и его помощников. Чтобы о нём узнали рабочие, которых предстоит нанимать.

Беляеву хотелось побыстрее оказаться в Сорочке. Долгий переезд раздражал из-за вынужденного ничегонеделания. От одной мысли, сколько часов и дней он потратит на смотрение в окошко почтовой кареты, ему становилось не по себе.

Он не сразу услышал, как подошёл Архип.

— Рано вставать, ваше благородие, да и дорога дальняя — надо бы отдохнуть.

— Посиди со мной, Расскажи, как тебя ранило. Мне интересно. Успеем ещё выспаться.

Архип присел неподалёку, снял выгоревшую до белого состояния фуражку и тяжело вздохнул. Беляев заметил, что небольшой кокарды на околыше фуражки нету. Вместо неё ярким пятном светит невыгоревший участок ткани. «Сам себя из службы исключил, — догадался он. — Порядок знает».

— А что про войну расскажешь, ваше благородие? Война она и есть война: кто был — знает, кто не был, всё равно не поймёт. Да и рассказывал уже.

Казак замолчал, теребил мятую фуражку да смотрел на носки сбитых сапог. По всему видно было, тяжело ему давались воспоминания.

— Я прочитал в газете о конных пионерах и что отбирали в них самых смелых солдат, — решил подтолкнуть к разговору Беляев. — Пионеры, дескать, взрывали железные дороги и рвали провода телеграфа. Не встречал?

— Не привёл бог. Солдат на коне? Придумают же господа! А проволоки мы и сами рвали. Как раз 15 декабря было, на Софийской дороге...

Архип снова замолчал, будто погружаясь в пережитое, настраиваясь.

— Я уже рассказывал, как утром с бригадой пришли в Чурьяк, — начал он, медленно подбирая слова, — а нам говорят: надо выходы из ущелья разведать и расчистить, а потом идти на шоссе. И будто Преображенский полк туда послали. Вы ребята лёгкие, догоняйте, мол, будете преображенцам в подмогу.

И ещё, мол, козловцы туда идут. Мы уже в четыре часа были на шоссе. Видим, одна турка здесь, и повозки, повозки, повозки... Сказывали потом, будто сто повозок с разным товаром было. наших никого боле нет. Делать неча, срубали конвой и всех, кто там путался. Армейцы только на третий день пришли. Вот

тут мы проволоку и рвали, чтоб она, значит, туретчина, не сразу проведали и засад не чинили у Балканского перевала.

— А ранили тебя где?

— На самом хребте. Сначала меня убили и сразу коня. Ребята сказывали: из-под коня вытащили, а нога сломана в трёх местах, болтается на стороны. Ничего. Лекарь в гошпитале сказывал, поправится скоро.

Архип расстегнул ворот гимнастёрки и обнажил грудь. Чуть пониже ключицы темнела небольшая звёздочка, покрытая молодой розовой кожицей.

— Хорошо, скрозь прошла, уже и чувствовать перестал. Я живущий.

Тишина опустилась на Вытегру. Погасла заря, чайки проводили рыбаков домой и перестали кричать, замолчали. Большие сильные птицы расселись на береговые камни и сидят неподвижно белыми каплями на чёрном.

«Вот тебе и война, — подумал Беляев. — Чуть ниже ударь, и нет человека. А сколько осталось там! Сколько калек теперь по улицам, мужиков, что могли бы работать, поднимать семью, а теперь на земле, в пыли, с рваной фуражкой для милостыни...»

— Пойдём, казак, отдыхать.

Беляев поднялся, одёрнул полы дорожного сюртука и отряхнул брюки. Но Архип продолжал сидеть, низко опустив голову. Беляев едва удержал в себе резкое слово, понял, что по собственной прихоти погрузил казака в омут тягостных воспоминаний. И отделаться от них не так-то просто...

Не поднимая головы и не обращая внимания на Беляева, Архип заговорил, продолжая повествование о случившемся на Балканском хребте.

— Дня через два очнулся. Помню, холодная палатка, лекарством пахнет. А тут прибежал Митька Антипин, наш хуторской, кричит: «Ищут тебя!» Смотрю, входят генерал Гурко и полковник Попов-второй, а следом ещё офицеры — полная палатка. До этого я генерала-то вблизи не видал. А он наклонился и расцеловал, крест мне прямо на рубаху, а потом офицеру: «Ну-ка, где моя баклажка?» Генерал подаёт чарку: «Выпей, герой!» Доктор начал было бубнить: «Это невозможно, это невозможно...» Генерал глянул, тот из палатки сиганул, будто жеребец из-под мамки. Здесь и

распорядился, чтобы с группой раненых офицеров в Петербург немедля отправили и меня...

— Надобно сказать, ловко ты, братец, придумал историю, — с усмешкой сказал Беляев. — И генерал у тебя, и чарка — прямо роман пиши. Пойдём-ко, герой, спать.

Казак неторопливо поднялся, достал что-то из кармана шаровар и протянул Беляеву. На ладони Беляев увидел большую серебряную чарку искусной работы. С первого взгляда можно было определить, что вещь дорогая. Ободами поверху и понизу чернел сложный кавказский орнамент, а серебро возле самого доньшка сияло вытертой в кармане позолотой.

— Баклажку я надось в городе продал, за квартиру заплатить и за стол...

4

После нескольких дней трудного пути, с перевозами и переправами через бесчисленные реки, после редких сёл и деревенок с неперменной церковью в центре, поначалу странно было оказаться в деловом и одновременно празднично-богатом Архангельске. Прямые и широкие улицы вдоль Северной Двины, набережная, лавки, рестораны, присутственные места, соборы...

Уж кому-кому, а питерскому столичному обитателю всё это не могло быть в диковинку. Ан нет, и удивило, и даже ошеломило слегка! Митрофан Петрович снял номер, распорядился, чтоб подобающее место нашли Архипу, и объявил, что визиты начнёт завтра после обеда.

Первым, разумеется, должен стать визит к губернатору.

— Прошу, милостивый государь Митрофан Петрович! Как добрались?

Архангельский губернатор Николай Александрович Качалов перешел пятидесятилетний возраст и, как многие в эту пору, изрядно погрузнел. Митрофан Петрович знал от отца, что Качалова уважают при дворе. Будущий государь Александр III, а пока наследник цесаревич, ценит в нём знание народной жизни, равнодушие и распорядительность. Тому было весьма яркое свидетельство. При жестоком неурожае 1867 го-

да, когда голод пришел во многие губернии, именно Качалов помог в организации работы комитету для пособия нуждающимся, созданному цесаревичем. Хлеб закупили своевременно и недорого, голода удалось избежать. Успех оказался настолько безусловным, что император произвёл Качалова из лейтенантов в отставку сразу в действительные статские советники. Но и Качалов помнил, что семья Беляевых знакома императору, поэтому тон в разговоре взял неофициальный.

— А вот я намаялся! — продолжал Качалов, не дожидаясь ответа Беляева. — Почти всю губернию объехал, да ещё в пургу и мороз, да по распути. И не ехать решительно невозможно: личное поручение самого государя Александра Николаевича.

Губернатор предложил кресло, звякнул колокольцем и попросил секретаря доставить документы для господина Беляева. Митрофан Петрович отметил про себя дисциплину и порядок в губернаторском правлении. Документы принесли тотчас, будто только команды ждали. Петербургские визиты в разного рода присутствия давали мало подобного опыта.

— Как поживает Петр Авраамович? Здоров ли, в делах?

— Надобно сказать, слава богу: здоров и в делах. Приказал кланяться вашему превосходительству.

— С вашим батюшкой мы встречались в Петербурге, обсуждали накоротке дела таможенные: он в них знаток. А каковы ваши намерения, Митрофан Петрович, позвольте полюбопытствовать? Докладывали, вы намерены обосноваться в Сороках всерьёз и надолго, а теперь и второй завод учинить? Это весьма похвально. Государь очень заинтересован в расширении русского лесного дела в северных пределах.

— С первым заводом разделаться бы, ваше превосходительство. Завод крупный, леса требует много, а пилить отвели далеко и доставка дорогая.

Качалов полистал бумаги, достал одну, развернул. Это оказалась схема казённых лесных дач от Колы до Онеги. Пригласил Беляева поближе.

— Вы берёте в Кольском лесничестве, Панозерском, Вокнаволоцком, так? — Палец

губернатора пересёк Полярный круг. — Да, тут сплав далёк и всё морем. Берите в Ругозерском и Ребольском, за Кемью и у Кимасозера. Его императорское величество свой рескрипт уже наложили. Вот познакомьтесь...

Качалов протянул Беляеву прошение с резолюцией государя. Беляев принял бумагу, прочёл, и сердце приятно зануло. При доставке брёвен к заводу реками Выгом и Чиркой-Кемью экономия могла составить до трети от нынешних затрат.

«Вечером сделаю предварительный расчёт, — с удовольствием подумал он, — и сразу сообщу телеграммой Сергею, пусть порадуется».

Лучшего разрешения вопроса они с братом и желать не могли. Такой расклад с поставкой сырья на заводы мог бы высвободить средства для других нужд.

— Не считите за дерзость, Митрофан Петрович, хочу спросить приватно. Не сообразовали ли пояснить, чем вызвано поименование сорочского завода «Космополит»?

Беляев откинулся в кресле и улыбнулся: этот вопрос ему задавали уже с добрый десяток раз. Он, бывало, шутил в ответ или в привычной манере отвечал резко, но теперь спрашивал сам губернатор.

— Тут вот какое дело вышло, ваше превосходительство. Партнёр в Лондоне выразил сомнения в наших деловых качествах. У них принято за правило, что дела купеческие вне политики и войн. То есть всё равно как, где и с кем зарабатывать. Я принуждён был ответить следующим образом: да, лесопилке всё равно, как, где и для кого пилить, поэтому пусть она будет космополит. Но хозяева лесопилки космополитами быть не могут.

— Похвально, милостивый государь, похвально! Повторюсь, государь выразил готовность всячески поощрять развитие русского лесного дела в крае. У нас сегодня едва полтора десятка лесозаводов, а нужно больше, втрое, вчетверо больше. Есть лес, есть и работники. На Севере нужны купцы, радеющие за Отечество.

«А в других местах разве не нужны такие купцы, — думал Беляев. — А в других производствах разве не нужны?» Ему хотелось ответить губернатору: «Посмотрите, в столичном Петербурге форменное засилье предпринимате-

лей-иностранцев. Стеной стоят за своих. Русскому очень трудно пробиться сквозь такую стену. Хорошо, что власти стали прозревать». Однако это было бы дерзостью с его стороны, и он промолчал.

Губернатор высказал предположение, что именно северное направление, к Коле, будет особенно притягательно для лесопромышленников в ближайшие годы. Там нетронутые запасы леса, да и качество самого леса таково, что нигде более на материковой части такого не сыскать. И опаска в разговоре прозвучала, дескать, не случилось бы так, когда на одного русского купца пришлось бы трое-пятеро иностранных.

«Ну вот, — снова неодобрительно подумал Беляев. — Ты губернатор и при твоей-то власти боишься, а нам что же делать?»

— Вот и к Сорокам присматривается господин Стюарт, делец опытный, хитрый, тягаться с которым будет трудно.

Слушать опасения хозяина края Беляеву не хотелось. Он бы и сам мог высказать не меньше досад и опасений. Он выбрал паузу и сменил тему:

— Ваше превосходительство, вы спрашивали о наших планах в Сороках.

— Прелюбопытно...

— Да, надобно сказать, есть намерение скоро пустить второй завод. Планируем его мощнее первого и с паровой машиной из Финляндии. Да мы уже и завершаем дело. Вы, верно, осведомлены?

Качалов кивнул головой.

— Хотелось просить вашего совета: с кем бы вы рекомендовали поговорить в Архангельске из знающих такие машины в деле на практике?

Качалов на минуту задумался.

— У Бранда на острове Бревенник завод паровой, но староват. Да... Поговорите с Эдуардом Абрамовичем Фонтейнесом — он нынче городской голова. Он сам, и отец его, и дед были купцы. Люди знающие. Сейчас прикажу...

Губернатор снова коротко звякнул в колокольчик и приказал секретарю спросить городского голову, сможет ли он принять господина Беляева из Петербурга, купца первой гильдии и потомственного почётного гражданина?

Не прошло десяти минут, как секретарь сообщил, что Эдуард Абрамович будет рад визиту

столичного гостя завтра часам к одиннадцати. Сегодня извиняется тем, что занят в комитете.

Визит подошёл к концу. Беляев поблагодарил губернатора за беседу и откланялся.

— Буду рад служить, — кивнул Качалов. — В нужде обращайтесь без церемоний. А пока отдохните, сходите в театр. Мы хоть и провинция, но театр имеем хороший.

Губернатор проводил Беляева до двери и, прощаясь, добавил:

— И вот что ещё, уважаемый Митрофан Петрович. Завод заводом, это крайне важно. Но убедительно прошу вас не оставлять попечение о народной нравственности. Об этом мы недавно говорили с государем. Я имею в виду школы, приходы и прочее, чем заняты церковь и земство и что служит для улучшения жизни простых людей.

— Мы понимаем, — сказал Беляев. — И сделаем что в наших силах.

На улице Беляева поджидал Архип. Он подзвал извозчика, и они поехали в гостиницу. Вечер оказывался свободен, но Беляев меньше всего думал о театре. Ему хотелось прямо тут же, в коляске, разобрать документы, покопаться в цифрах, сделать первые наброски расчётов. Решение государя и поддержка Качалова вносили в них неизбежные изменения. Каковы могут быть затраты при новых путях сплава, в каком размере возможен банковский кредит и срок возврата? Мыслями об этом они с братом жили весь последний год. Ничто другое его нынче не интересовало.

5

Троицкий проспект Архангельска если не копировал в точности, то очень напоминал Невский в Санкт-Петербурге. Торговые дома перемежались модными магазинами, лавки соседствовали с ресторанами. Даже привычный к городской пестроте за время жизни в столице казак крутил головой и едва успевал читать вывески: «Чайный магазин Д.Н. Манакова», следом на той же стороне «Модные духи «Тубероза» от Товарищества «Брокеръ и К», а через два дома — «Случайно треска. Продаётся по очень сходной цене БОЧКАМИ и в розницу. Спросить в ресто-

рань старш.». И, конечно же, издали был виден вездесущий модный магазин от фирмы «Зингер» — здесь её представлял купец Минаев.

Митрофан Петрович приказал остановить у театра. Он пробежал глазами репертуар и понял, что сегодня ему повезло. Если две недели подряд театр давал только пустейшие водевили «Муж в отлучке», «Путаница» или «Суворов в обществе хорошеньких женщин», то сегодня заявил «Свадьбу Кречинского» Сухово-Кобылина. «Свадьба» вошла в моду, её ставили во многих театрах. И Беляев, конечно же, смотрел этот спектакль в Петербурге. Теперь ему показалось интересным сравнить провинциальную постановку со столичной. Хотя, конечно, ничего интересного не ждал.

Так и получилось. Спектакль не понравился с первых минут. Главный герой делал странные движения, говорил текст невпопад и часто вставлял от себя. Беляев даже стал подозревать, не пьян ли он. На сцене всё шло вразлад. Каждый из актёров гнул свою партию, совершенно не обращая внимания на партнёров, будто их не было вовсе. Беляев не сумел сдерживать досады и тихо сказал по-французски:

— *Malheureusement ca arrive quand chacun pense qu'il tien le manche dans le monde entier.*⁴

И тотчас совершенно неожиданно услышал в ответ тихий девичий голос:

— *Pardonnez-moi mais pas jugez pas si strictement. Ils jouent le spectacle pour le deuxième fois et presque chacun est malade.*⁵

Он с удивлением обернулся. Рядом с собой он обнаружил с виду вчерашнюю гимназистку с копной густых чёрных волос и большим белым воротничком на плечах. Девушка смущённо опустила голову и изредка взглядывала на него, как казалось Беляеву, с некоторым укором. «Наверное, начинающая актёрка из второго состава, — решил он. — Ишь, как защищает своих». Между тем на сцене шло к завершению второго акта и творилось что-то вовсе невообразимое. Он полностью переключил внимание на соседку.

⁴ Так, к сожалению, бывает, когда каждый думает, что он главный на всём белом свете.

⁵ Прошу извинить, но не судите так строго. Они играют спектакль во второй раз и почти все больны.

— Madam, je vois que vous êtes le fervent du théâtre de profession?⁶

— Non mais je visite les spectacles de la troupe pendant quatre années, je connais les acteurs et j'ai quelque choses á comparer.⁷

В антракте Беляев нашёл соседку в фойе, чтобы сказать ей всё, что он думает о спектакле и, если удастся, познакомиться. Она стояла под руку с мужчиной средних лет в мундире почтово-телеграфного чиновника и была исполнена достоинства и той строгой красоты, которая присуща очень молодым, едва выходящим в свет женщинам. Беляев знал, что в такие лета девушки часто напускают на себя лишнего, стараясь держаться как завязтые дамы света. Иногда это выглядит несколько карикатурно. Здесь ничего подобного заметно не было.

«Интересно, неужели муж? — отчего-то неприятно удивился он при виде мужчины рядом. — По возрасту годится в отцы».

Беляев подошел, извинился и назвал себя.

— Александра Красильникова. А это мой папа Александр Васильевич, — ответила она просто.

— Надобно сказать, уважаемый Александр Васильевич, ваша дочь защищает актёров так горячо, что я подумал было, не служит ли она сама в театре, — сказал Беляев с улыбкой. — В то же время нельзя не признать явного неуспеха: играют сегодня из рук вон плохо.

— Вы почти угадали, уважаемый Митрофан Петрович. Александра готова дневать и ночевать в театре. Что же касается актёрской игры, то я не большой знаток. У нас дома театра нет.

— Так вы не из Архангельска? — удивился Беляев. Французский язык в губернском Архангельске он ещё мог принять, но от девицы из какого-нибудь уезда никак не ожидал.

— Нет. Александр не в труппе. Она теперь окончила курс Мариинской гимназии и уже учительница. Днями мы уезжаем домой. Собственно, за ней я и приехал.

— Простите моё любопытство, Александр Васильевич. Куда же вы едете?

— В Сумский Посад.

Беляев вспомнил, что Сумский Посад у них на пути. Это большое село в пятидесяти верстах от Сороки. Туда предстояло ехать и ему.

«И что со своим французским станет делать в Посаде эта утончённая хрупкая девица в белом кружевном воротничке, — подумал Беляев. — Днём учить азбуке подростков в тамошних мореходных классах, а вечерами флиртовать с парнями в брезентовых штанах, пахнущих рыбой?»

Впервые за последние годы он почувствовал вдруг, что ему не хочется сейчас, извинившись, повернуться и отойти, как это бывает при случайных театральным знакомствам.

— Разберите наш спор, — обратился Беляев к Красильникову. — Ваша дочь убеждена, что болезнь актёров есть вполне удовлетворительное объяснение плохой постановки. Я же держусь иной точки зрения.

— Да-да, — вспыхнула Александра, и щёки её залились румянцем. — Актёры тоже люди. И они могут болеть.

Оказавшись в роли третьей стороны, Александр Васильевич решил всерьёз разобраться в существе дела.

— Позвольте полюбопытствовать, в чём же состоит ваша точка зрения, Митрофан Петрович?

— В том, что игра актёров это тоже работа. А никакая работа не может исполняться спустя рукава. И я не принимаю объяснений, даже в виде болезни. Не можешь или не умеешь — не делай...

— Как вы можете называть игру актёра работой! — горячо не согласилась Александра. Она поняла, что излишне резка в разговоре с незнакомым человеком, который к тому же старше неё, и снова густо покраснела.

— Извините меня, — добавила она смущённо, — но театр — это не работа, а творчество! Как вы не понимаете! Это служение искусству! Это, это...

Девушка замолчала, сдерживая себя. Её раздражал человек, который вот так сразу, едва познакомившись, настаивает на своём, подавляет. Кто он такой! Как смеет! Хотя нетрудно заметить в нём столичную настойчивость всезнайки.

⁶ Вижу, сударыня, вы завязтый театрал?

⁷ Нет, но я посещаю спектакли труппы четыре года, знаю артистов и мне есть с чем сравнить сегодняшнюю постановку.

Как может этот господин покушаться на то возвышенное, чем она жила все эти годы жизни вне родительского гнезда? Театр был её спасением в трудные времена, научил размышлять о жизни и, по существу, стал вторым домом. Да он просто неотёсанный чурбан, мало что знает по-французски.

— Разве я покушаюсь на творчество, любезная Александра Александровна, — мягко ответил Беляев. Горячность в отстаивании дорогого сердцу была понятна и нравилась ему. В этом была самоотверженная искренность вчерашней гимназистки, сохранившаяся разве что только в провинции. Беляев понял, что задел девушку за живое, что она смущена. Лучше бы ему сменить тему. Однако он отступать не привык.

— Упаси бог! — продолжил он мягко. — Я просто хочу напомнить, что всё дельное на свете требует усилия, иногда большого, и основанием имеет труд. Музыкант, художник или актёр ищут опору в ремесле. Музыкант ставит руку, певец голос, художник чувство композиции. А уж потом они творят, как вы изволите выражаться.

— Мне кажется, Митрофан Петрович прав, — мягко сказал Александр Васильевич, беря дочь под руку. Он решил завершить спор, безусловно, проигранный дочерью. — Не пора ли нам в зал?

«Ишь какой! — подумала Александра о Беляеве. — Как ловко повернул. А ведь верно, он прав».

— Давайте продолжим спор завтра, — предложил Беляев. Он и сам бы не объяснил, почему захотелось ещё раз увидеть эту девушку в облаке густых волос. — К тому времени Александра Александровна подберет аргументы в защиту своей позиции, и мы продолжим интересную беседу. Приглашаю вас на обед. Вы где остановились? Я пришлю экипаж.

Вечером в номере он отчего-то волновался, стоял перед зеркалом и внимательно рассматривал собственное отражение. Да, немолод, под сорок, да, серебряные нити в бороде, он не замечал их прежде; да, стал грузноват, и тоже только теперь обратил на это внимание. Но осанка вполне благородна, черты лица по-прежнему чувственны, а зачёсанные назад волосы вьются.

«Ничего, — хмыкнул он удовлетворённо. — Где наша не пропадала».

Встреча в театре не выходила из головы до позднего вечера. Давно он не чувствовал за собой ничего подобного, этого беспокойства и нетерпения — состояния, позабытого и оставленного далеко позади, в беззаботной юности. Беляев с досадой посмотрел на пакет с документами на столе и понял, что едва ли сможет сосредоточиться на цифрах.

«Что за незадача сегодня? — сердился он на себя. — К чему это всё? И так не вовремя...».

Ему не хотелось признаться, что хоть и не вовремя и действительно ни к чему всё это, свалившееся на него неожиданно чувство, а на душе легко. Хотелось действия, хотелось куда-то ехать, что-то немедленно предпринять. Он велел Архипу взять коляску и поехал на набережную прогуляться. Он рассчитывал развеяться и отвлечётся.

Вечером возле Северной Двины стихал шум деловой суеты и наступало умиротворение. Город будто бы отступал от берегов во дворы и продолжался там. Настал час отлива, и вода ушла в море. Береговая отмель в мелкой морской траве слабо отсвечивала серебром. По траве бродили лошади, здесь же копошились вороны и чайки, всякий раз с истошным криком наскакивая друг на друга, когда кто-то находил добычу.

На набережной днём торговали, а вечерами отдыхали и готовились к новому торговому дню. Из-за малой глубины посуде подойти к берегу невозможно, и купцы понастроили длинных и узких — в одну телегу — причалов. Один конец причала упирался в берег, другой уходил далеко в воду. Мужики разгружали товар со шхун и баркасов. Другие складывали в штабеля привезённое. Третьи, наоборот, разбирали нужный завтра товар и выкатывали на берег под погрузку.

Беляев медленно прохаживался мимо причалов, штабелей из бочек и ящиков, мимо грузчиков в заляпанных рабочих фартуках из грубого холста, больше похожего на парусину. Вечерняя вялая суета мало занимала его. Юная провинциалка, порозовевшая от негодования при одном только подозрении, что он не принимает твор-

чества, не оставляла воображение. Он удивлялся себе: чего уж такого увидел он в этой девице? Да, юна и свежа, да, скромна, но при этом склонна к принципиальности и прямоте, да, наивна, как, наверное, и положено быть провинциальной девице... Чего в ней особенного? Но мало на что годились его размышления, когда вспоминал горделивую осанку, строгий, будто царственный профиль, и непривычную в юной женщине горячность в отстаивании своего.

«Неужели влюбился? — с некоторой насмешкой подумал он о себе. — Право, стоило для этого ехать в Архангельск? Петербурга мало, с его кокотками? Это просто смешно».

Однако смеяться не хотелось.

Да, на самом деле ему нисколько не хотелось смеяться над собой. Скорее, напротив. С неожиданной тревогой он подумал, что завтра она может уехать с отцом в свой Сумский Посад и он не только больше не увидит, но даже и не узнает о её отъезде.

К своим годам Беляев вовсе не был простаком в отношении женщин. Он знал их, понимал и по прихоти своей натуры порой даже восхищался ими. Цыганка в Питере, её страсть, больше похожая на жестокость, растерянная и подавленная чем-то француженка, с которой год назад столкнулся в дверях лондонского отеля. В тот вечер она оказалась настоящей фурией; из-за того бешеного свидания он отменил деловую встречу и чуть было не сорвал важный контракт... Да, женщины присутствовали в его жизни, лукавые и мятущиеся, покорные и властные. Но теперь он оказался в растерянности. Теперь складывалось иначе, не так, к чему привык он...

Беляев поспешил в гостиницу. Ему хотелось подогнать время. Пускай поскорее наступит завтра. Чтобы поскорее свернуть дела и, быть может, ехать с ней вместе.

«Дорога долгая, разговоры длинные, а там будь что будет», — решил он.

6

Фонтейнес оказался человеком полноватым, с малоподвижным лицом, но живыми острыми глазами. Он принял Беляева у

двери кабинета, поддерживая под локоток, проводил к креслу и сел рядом:

— Как же, как же, как же...

Эдуард Абрамович предупредительно поднял руки в ответ на минутное смущение Беляева, не ожидавшего столь тёплого приёма у архангельского городского головы.

— И мой почтенный родитель Абрам Иванович, и я, скромный торговец, имели счастье встречаться с вашим батюшкой в Лондоне и в Шотландии, вести дела с общими партнёрами. Да и кто в столице не знает Беляевых!

Немало слышал о семье Фонтейнесов и Митрофан Петрович. И хотя семья не имела в Петербурге собственного торгового дома, как Вильгельм Бранд, тоже архангелогородец голландского происхождения, знали о ней в купеческой среде все.

Фонтейнесы укоренились на российской негостеприимной почве ещё с петровского призыва. Почти два столетия они успешно осваивали северный русский рынок. Дед выслужил чин коммерции советника. Он и его потомки возведены в почётные граждане. В разное время они управляли финансами и властью в самом главном торговом городе России.

Беляев знал также, что родитель его нынешнего собеседника прошёл огни и воды купеческой жизни и уже много лет служит председателем правления Архангельского государственного банка. Да и сам Эдуард Абрамович не лыком шит: с пятнадцати лет в приказчиках у отца, потом первая гильдия и собственный торговый дом, и только потом городской голова.

— Что привело вас к нам из столицы? — с улыбкой спросил Фонтейнес. — Слышал, расширяете дело в Сороках?

— Да, надобно сказать, хотим с братом новый завод ставить, но, как говорится, *on ne verse pas du vin nouveau dans les souffleries anciennes*.⁸ Ищу совета, с кем лучше законтрактоваться о поставках оборудования. Хотелось бы понять, к примеру, какая мощность не будет избыточной при наших поставках брёвен. Вы же знаете, вопросов в таком деле бывает немало.

— Ценю вашу скромность, многоуважаемый Митрофан Петрович. Вы сами с вашим родите-

⁸ В старые мехи не наливают молодого вина.

лем Петром Авраамовичем можете любого поучить лесному делу. Но правда ваша: вопрос сложный. Пожалуйста, пример из нашей жизни. Господин Бранд с господином Класеном построили на Маймакской судовой паровой завод с машиной тридцати пяти лошадиных сил. И сегодня они распиливают только тридцать пять тысяч брёвен. И это при четырёх основных пилорамах и сотне рабочих! Согласитесь, милостивый государь, мало. И как же прикажете расширяться? Кажется, просто: купи другую машину и пили больше. Ан нет: у них канал для подачи брёвен подземный, да ещё вырублен в скале...

— Вы сказали, купи другую машину?

— Только за границей, не считите за неуважение. Весьма рекомендовал бы Варкаууский завод Альстрема в Финляндии. Мы работали с ним и, доложу вам с честью, остались весьма довольны.

Фонтейнес покопался в ящике стола и положил перед Беляевым карточку. Беляев пробежал глазами знакомый витиеватый текст: «Доверенный и представитель для России А.И. Россь. Санкт-Петербург, Монетный пер., 11».

— А за кредитом милости просим в наш Государственный банк. Могу составить протекцию, — добавил Фонтейнес и весело засмеялся. — Полагаю, не меньше восьмидесяти-ста тысяч вложить придётся, а это деньги немалые...

И как только прозвучало слово деньги, Фонтейнес посерьёзnel и с грустным выражением на лице стал рассказывать, что лесные дела в крае идут медленно, новые заводы не строятся, кредиты всё мелкие и оттого оборот торговли небольшой.

«Интересно выходит, — начал сердиться Беляев. — В газетах пишут, что один Бранд со своим торговым домом принимает больше 230 кораблей с товаром за лето, и всё им мало. А тут кроме Бранда иностранцев столько, что плюнуть некуда».

Фонтейнес продолжал сетовать на тяжёлое положение и клонил к тому, что виной всему невнимание правительства.

— Скажите, милостивый государь, почему в Петербурге до сих пор держатся за этот закон об акционерных обществах? Это же невозможно! Как в таких условиях вести дела? Где министерство внутренних дел, где, наконец, Государственный совет?

Беляев не раз и не два выслушивал подобные сетования и хорошо знал, что именно раздражает чужеземных купцов. В законе от 1836 года содержались два условия, которые они просто на дух не выносили. Первым условием запрещалось предпринимательство в России лицам иудейского вероисповедания, вторым русское правительство лишало иностранцев возможности укорениться, отнимая всяческие гарантии. Правительство оставляло за собой право в любое время и без объяснений причин потребовать от иностранца прекращения всяких коммерческих операций и продажи активов российским купцам.

Смысл закона был понятен: государство оберегало страну от превращения в кормовое поле для чужих коров. Хочешь во всём равных прав — становись российским гражданином.⁹

— Скажите, милостивый государь, в каком веке мы живём? — распался Фонтейнес, и глаза его смотрели зло. — Финансы границ не знают. Как можно ограничивать дело для честных купцов?

Однако Беляев только делал вид, что слушает. Ему стало неинтересно. Он только рассеянно кивал головой на сетования не на шутку рассерженного собеседника, улыбался и изредка поглядывал на фигурные стрелки больших кабинетных часов. Мыслями он был не здесь. «Интересно, что делает теперь она?» — думал об Александре. Скоро он повезёт их в ресторан и будет сидеть напротив и смотреть на неё.

7

В «Золотом якоре», по счастью, оказалось немногочисленно. Обычно здесь гуляют компаниями моряки, и гуляют так, что городской предпочитает надолго из квартала не отлучаться. Красильниковы решительно отклонили предложение всяческих кулинарных изысков. Единственным лакомством, на которое Беляев легко уговорил Александру, осталось мороженое.

— Я и сама не понимаю, как я теперь без мо-

⁹ С началом Первой мировой войны по этой причине в России ликвидировали 96 акционерных обществ из 611 действовавших на тот момент.

роженого буду, — говорила она тихим голосом, наклоняясь к отцу и опасливо поглядывая на Беляева, — вдруг услышит и подумает как о ребёнке. — Так привыкла, так привыкла...

Глаза её стали по-детски виноватыми.

— Ну хотя бы разок в воскресенье, а?

— Где съешь мороженого в Посаде, Александра? Что ты на самом деле как дитё...

Александр Васильевич смущённо посмотрел на Беляева.

— Вот придёт час, переберёмся в Сороку, и будет тебе мороженое. Я сам видал в буфете при гостинице «Бристоль».

Обедали и на правах старых знакомцев непринуждённо беседовали. Говорили о ценах и погоде, о видах на урожай грибов и ягод. Выяснилось, что Беляев ничегошеньки не понимает ни в грибах, ни в ягодах, поскольку в лесу никогда не бывал и видывал их разве что на собственной кухне. Это известие вызвало приступ веселья у Александры. Ей невдомёк, как такое может произойти с человеком, прожившим половину жизни?

— Вы по службе намерены перебираться в Сороку, уважаемый Александр Васильевич? Где же вы состоите, ежели не секрет? — спросил Беляев.

— На Сумской почтово-телеграфной станции. Но мне предлагают место начальника Сороцкого почтово-телеграфного отделения. Я уже и домик присмотрел.

— Верно, жизнь в посаде не в пример скучнее, нежели в уезде.

— Это необходимо тем более, что Александр предстоит работать в школе, а место может открыться только в Сороке. Да оно ещё и не готово ни у меня, ни у неё. О телеграфной линии до Кеми пока только говорят, а школа строится, и когда построится, один бог знает.

— Я тоже знаю, — спокойно сообщил Беляев. — Через три месяца.

Отец и дочь отложили вилки и внимательно посмотрели на Беляева. Над обеденным столом повисла напряжённая тишина. Беляев продолжал невозмутимо разделявать на тарелке кусок палтусины, с удовольствием отправляя в рот сочные кусочки нежнейшей белой мякоти.

— Только здесь подадут такую свежайшую рыбу, господа, только здесь, — говорил он,

словно не замечая удивления Красильниковых. — Согласитесь, Петербург тоже при море, и тоже порт, и немалый, но вот рыбу подают не ту, да-с, не ту...

Вернулись к обеду, но прежняя непринуждённость ушла. Беляев почувствовал это. Собеседники стали как бы опасаться нового знакомого: что за человек такой? Он понял, что пришло время разрядить напряжение и наконец представиться.

— Что до школы, господа, — неспешно начал Митрофан Петрович, — то известно, что строит её при заводе товарищество «Петр Беляев и наследники». Так?

Красильниковы кивнули головой. Беляев развернул салфетку, промокнул губы и медленно сложил её конвертом на краю стола.

— Надобно сказать, что по счастливому стечению обстоятельств Петр Авраамович Беляев мой отец. — Он с нарочитой торжественностью встал. — Разрешите отрекомендоваться: купец первой гильдии, потомственный почётный гражданин, владелец на паях с братом Сергеем Петровичем сороцкого лесозавода... — и, чтобы сразу снять налёт нарочитой помпезности, Митрофан Петрович широко улыбнулся, сел и продолжил весёлым голосом: — По этой причине кому же, как не мне, милостивые государи, знать, когда достроят школу. Мало того, я готов прямо сейчас сделать предложение уважаемой Александре Александровне занять место, подобающее её образованию и душевным устремлениям.

Александра зарделась и, потупив глаза в стол, тихо произнесла: «Благодарю вас...»

Красильников расчувствовался. Он не мог скрыть радости. Так просто решилось дело с устройством будущего дочери. Именно об этом с тревогой и волнением думал он всё последнее время.

Александр Васильевич потребовал вина и предложил закрепить предложение тостом. Мужчины выпили и, как это всегда происходит в русской компании, заговорили о будущем страны и края, а также о политике, статьями о которой полнились газеты.

— Как же получилось, уважаемый Митрофан Петрович, ответьте мне, — возбуждённо начал раскрасневшийся от вина Красильников. — Русский солдат дошел до Константинополя,

поверг турок, Россия подписала Сан-Стефанский мир и вернула потерянное в Крымскую кампанию. И что же произошло теперь, скажите на милость? Теперь она, откровенно говоря, обещана в глазах всего мира? Ведь так?

Красильников всё более горячился:

— Как можно перед лицом народа-победителя? Вы житель столицы, вероятно, знаете больше нас, провинциалов.

— Не сам ли народ втянул императора в эту войну, уважаемый Александр Васильевич. Разве Россия была к ней готова? — вопросом на вопрос ответил Беляев. — Известно, что император Александр II войны не хотел и всячески оттягивал её начало. Но политики, газеты и народ требовали, требовали и требовали похода в защиту «славянского братства». Разве вы не читали газет?

— Да, вынужден признать, не только неискушенного читателя, но и думающего, захватил некоторый патриотический порыв, тут вы правы. Но мы же победили! Мы дали независимость Сербии, Румынии и Черногории, а Болгария, Босния и Герцеговина получили автономию. Мы освободили братьев славян...

— И надорвали себе пуп, — ответил Беляев резко. — Вы знаете цену победы? Разве не читали, что в казне не осталось ни полушки денег, а победители, солдаты и офицеры, тысячами гибли от эпидемии брюшного тифа прямо в поле в госпитальных палатках. Вот истинный результат «защиты славянского братства» для России. Отечество в военном отношении ни на что более не способно. И что прикажете делать канцлеру Горчакову, когда его позвали на конгресс? Ведь Германия, Англия и Австро-Венгрия — это грифы-падальщики, привыкшие получать своё с любой драки.

— С вами трудно не согласиться, Митрофан Петрович. Вероятно, вы правы. Но русское общество испытывает стыд от действий правительства. Да, Парижский договор 1856 года поверг страну в уныние. Там понятно — проигранная кампания, а тут победа и...

Молчавшая всё это время Александра вдруг решила вставить слово в беседу мужчин. Оказалось, она вполне сведуща в делах политических.

— Мне кажется, причина в слабости государя императора. Другой на его месте...

— Как ты можешь рассуждать? — возмутился Александр Васильевич. — Что в этом понимаешь?

— Почему же мне не иметь своего мнения?

— Чем же плох император, уважаемая Александра Александровна? — тихо спросил девушку Беляев. Помня за собой грех резкости в подобных разговорах, Митрофан Петрович старался говорить мягко, хотя в душе его клочкотало негодование. — Что же, по-вашему, он сделал не так? Объяснитесь.

— Он плохо царствует, — сказала Александра и смутилась. Она почувствовала, что некстати вошла на мужскую половину; здесь её не ждали, и вряд ли её мнение могло иметь вес. К тому же она тотчас поняла, что собеседники раздражены этим.

Но мужчины молчали. Беляеву не раз и не два в петербургском обществе приходилось спорить по поводу подобных либеральных соображений. Мысли эти, из которых с неизбежностью выходило всё одно и то же, — что Россия всегда и во всём виновата, получали всё большее распространение.

«Ну вот, — с горечью отметил Беляев. — Теперь они укореняются в среде архангельских гимназисток. Что называется, приехали...»

— Надобно напомнить вам, государыня, — начал Беляев почти ласково, — что Александр уничтожил рабство крепостного права. Вы не станете с этим спорить, не правда ли? Именно он отменил телесные наказания и учредил суд присяжных. Это тоже факт. Именно государь провёл реформы и сколько мог сопротивлялся войне. И это вам подтвердит ваш папа, уважаемый Александр Васильевич, который, в отличие от вас, размышляет над прочитанным в газетах. Уверяю вас, юная особа, никто из предшественников не сделал для российского народа большего...

Беляев вовремя почувствовал, что раздражается и надо бы вовремя остановиться, чтобы не обидеть девушку. Именно этого он сейчас не хотел более всего на свете. Но всё равно не сдержался и съязвил:

— Вы, Александра Александровна, верно, начитались в гимназии Герцена с Плехановым? Очень бы не рекомендовал. И признайтесь: ваш кумир Вера Засулич?

Разговор о политике приобрел жёсткий тон, а этого никому не хотелось. Александра сидела пунцовая, уткнувшись в тарелку. Попытка на равных участвовать в мужском разговоре явно не удалась ей. И Александр Васильевич уже сообразил, что дело принимает ненужный поворот и следует тотчас разрядить напряжение за столом. Он поднял бокал и предложил тост за процветание северного края.

— Александре рано иметь политические убеждения, да ещё крайнего толка, которые вы, уважаемый Митрофан Петрович, ей приписываете. Она любит театр, обожает стихи, особенно Надсона. Сам видел у неё переписанные тетрадки. Давайте выпьем!

Беляев поднял бокал и с улыбкой, обращаясь к Александре, спросил:

— Хотите, угадаю из Надсона, ваше любимое? — и продекламировал:

*Если душно тебе, если нет у тебя
В этом мире борьбы и наживы
Никого, кто бы мог отозваться, любя,
На сомненья твои и порывы;
Если в сердце твоём оскорблен идеал,
Идеал человека и света,
Если честно скорбишь ты и честно устал, —
Отдохни над страницей поэта...*

Александра с удивлением подняла голову и впервые за вечер с искренним интересомглянула в глаза Беляева. Этот человек всё более удивлял её. Сухой академик, не понимающий искусства, заводчик с цифрами в голове, жесткий политик, знаток поэзии... Кто же он на самом деле? Где оно, истинное лицо человека, сидящего напротив? И, зардевшись, Александра завершила стихотворение:

*...Но умей же и ты отозваться душой
Всем, кто ищет и просит участия,
Всем, кто гибнет в борьбе,
кто подавлен нуждой,
Кто устал от грозы и ненастья.
Научись беззаветно и свято любить,
Увенчай молодые порывы, —
И тепло тебе станет трудиться и жить
В этом мире борьбы и наживы.*

Беляев улыбнулся и легко поаплодировал:
— Bravo! Право слово, вы очаровательны, уважаемая Александра Александровна!

Они договорились, что завтра же поедут на Север вместе, в одной коляске. Почтовые лошади на Колу отправлялись из Архангельска по средам, в восемь часов вечера.

Беляев вернулся в гостиницу. На душе было радостно. «Как же хорошо! Такая дальняя и интересная дорога впереди», — думал он как мальчишка, забыв, что совсем недавно думал о дороге иначе.

8

Усталыми они добрались до почтовой станции Сия. Сто пятьдесят вёрст тракта от Архангельска через Холмогоры остались позади. Здесь дорога раздваивалась. Повернув направо, на запад, можно добраться через Онегу и Кемь до Колы; путь на восток вёл в тундру, к Мезени. Им нужно на запад, но сил терпеть езду больше не было. Предстояла ночёвка.

В станционной избе оказалось людно. Возле стен стояли прислонённые ружья, на крюках висели шашки в потёртых, оцарапанных ножнах. Здесь допивали чай нижние чины конного полицейского разъезда. Пыльные, потные и уставшие, с расстёгнутыми воротами, они хмуро посмотрели на вошедших и продолжили сосредоточенно чаёвничать. Старший молча взял из рук зрителя подорожные, прочитал и, приблизившись почти вплотную к Беляеву, тихо предложил:

— Простите, ваше благородие, на минуту, сказать...

Пока Красильниковы и казак располагались на отдых, Беляев с полицейским урядником вышли во двор.

— Тут какое дело, — неуверенно начал урядник. — Как и сказать, не ведаю, чтоб не испугать ваше благородие...

— Говори как есть. Не девица, однако.

— Третьего дня из острога в Онеге сбежали три вора. Большой беды пока не сделали, но вчера остановили почту на тракте за Онегой, хлеб и топор у ямщика отобрали. Да и видели их ещё по деревням. Мы ходили, но не сыска-

ли. Как бы не случилось беды, ваше благородие. Может, переждёте на станции, пока разбойников споймаем?

— Не можем мы, любезный, ждать. Дела у нас.

Беляев открыл дверь и кивком вызвал Архипа. Казак, сильно припадая на левую ногу, подошёл. Беляев повторил ему историю про беглецов.

— Что будем делать, Архип Иванович? Как считаешь?

— Троём, говоришь, — спросил казак урядника. — Топор и что у их на вооружении ещё?

— В деревне сказывали, ножи, да вроде ружьё у охотника забрали.

— С этим навоюисси. Ехать будем, ваше благородие. Что тут думать? Только дамочке не след рассказывать. Одна нервность выходит с има.

— Ваше благородие, мы предупредили — дело опасное, — сказал полицейский урядник. Он недоверчиво покосился на молодого казака, почти юношу, с негустой рыжеватой бородой, и не посчитал нужным скрыть своё пренебрежение. — Вы на этого хромого рассчитываете, что ли? Какой с него защитник! На печи сидеть...

Архип равнодушно перевёл взгляд с усталого лица с обвисшими щеками на перетянутый ремнями тугой живот полицейского и пошел ужинать. Он давно перестал реагировать на колкости, тем более от людей, на его взгляд, мало пригодных для настоящего дела.

Как ни старался Беляев думать в дороге о будущем заводе, ничего-то у него не получалось. Хорошо, успел отправить документы Агафелову в Сороку. Пусть считает. Агафелов в письме известил, что обе паровые машины акционерным обществом Альстрема с Варкаусского завода отправлены и днями будут в Сороке. С ними отгружен и паровой котёл.

«Только бы успеть к приёмке, — думал Беляев. — Очень важно проверить комплектацию. Упустишь чего, пиши потом на завод письма и теряй время...»

Александра всё больше занимала его мысли. Всякий повод находил он, чтобы услышать её голос, вызвать на себя взгляд. И когда это получалось, тёплая волна прокатывалась в груди, словно у восторженного мальчишки. Он откидывался на сиденье, закрывал глаза и стыдил себя:

«Да что же это такое, на самом-то деле? Одумайся! Она же вчерашняя гимназистка, а ты... Стыдно!»

Но увещевания действовали мало, и он снова как бы невзначай взглядывал на её лицо в полумраке кареты, на пряди густых волос, что свисали из-под шляпки и раскачивались в такт. На одной из остановок Беляев заговорил с Александрой о литературе, о Надсоне, причём, как скоро убедился, тон выбрал неверный.

— Ваш папа, Александра Александровна, утверждает, что вы любите вздорного мальчишку Надсона? За что же, позвольте спросить?

— Он не мальчишка, — вскинулась Александра, и щёки её, как вчера в ресторане, гневно зарделись. — Он настоящий поэт. В гимназии сказывали, офицер. Зачем вы так говорите?

— Но эти страдания. Разве достойно офицеру?

— Да, страдания, да, лирические мотивы! Но ведь не только этим болит измученное сердце поэта. Послушайте, как он пишет о матери. Хотя, — она на минуту запнулась, задумалась, стоит ли говорить, но всё равно сказала: — Хотите вам, верно, этого не понять...

— Я попробую, — ответил Беляев миролюбиво. И подумал: «Да, хоть и хрупка с виду, а за себя постоит, не спустит...»

Ночь... В комнате душно...

Сквозь шторы струится

Таинственный свет серебристой луны...

Я глубже стараюсь в подушки зарыться,

А сны надо мной уж, заветные сны!..

Чу! Шорох шагов и шумящего платья...

Несмелые звуки слышней и слышней...

Вот тихое «здравствуй», и чьи-то объятья

Кольцом обвилися вокруг шеи моей!

— Вы верно заметили, уважаемая Александра Александровна: я не поклонник Надсона. Но читывал и согласен с вами вполне: это трогательно. Однако надобно сказать, по мне хоть и офицер, но человек представляется болезненный, незрелый душою. Он рождён не для нашего машинного и энергического века. Хотя признаю: случается, как поэт, он иногда прав. Вот, например, здесь:

*...Трудись, покуда сильны руки,
Надежды ясной не теряй,
Во имя света и науки
Свой частный светоч подымай!*

— «Трудись, покуда сильны руки...» Разве не об этом спорили давеча в Архангельске? «Свой частный светоч поднимай...» И прошу вас заметить: он не делает различия в адресе — будь ты заводчик, учитель либо артист...

И довольный, что так ловко повернул на свою выгоду славу юного поэта, Беляев с торжеством в голосе закончил:

— По всему выходит, любезная Александра Александровна, ваш любимый Надсон на моей стороне. Он тоже зовёт к делу, к труду.

Александра не ответила. Она шла рядом и думала о своём. Этот человек её ошеломлял с каждым разом всё больше. Она чувствовала себя перед ним не будущей учительницей, чем гордилась вот уже несколько дней, а девчонкой-несмышлёнышем. И страшилась этого чувства, и именно потому вела себя дерзко и жалела об этом. Беляев изредка взглядывал в её сосредоточенное лицо и более всего на свете хотел бы сейчас знать, чем заняты её мысли.

«Не согласна, — думал он, досадуя на свою неистребимую категоричность. — Совсем задалвил девушку, экий медведь. Труд, труд...»

И в ритм шагов прочёл:

*Любви, одной любви! Как нищий подаянья,
Как странник, на пути застигнутый грозой,
Укрова чуждого молящий состраданья,
Так я молю любви с тревогой и тоской...*

Александра остановилась и, глядя в глаза Беляеву, спросила тихо:

— У вас хорошая память, Митрофан Петрович. Верно, вы любите поэзию?

— Работа требует хорошей памяти, любезная Александра Александровна. А поэзия... Пожалуй, музыку я люблю больше.

Он ощутил вдруг, как ненадёжна, как зыбка едва народившаяся душевная связь. Он хотел этой доверительности, ждал её с первой встречи в театре. И впервые не знал, как продолжить разговор.

— Вот построим в Сороках школу, за ней —

клуб, выпишем фортепиано, и вы устроите театральную студию. Потом, быть может, вспомните обо мне и пригласите на постановку, — сказал Беляев.

Александра зарделась и отвела глаза.

Карета стояла на взгорке. Место свободно продувал ветер, отгоняя надоедливых комаров. Пассажиры прогуливались рядом, разминали уставшие от долгого сидения ноги. Лошади отдыхали, лениво отмахиваясь длинными мётлами хвостов. Беляев и Александра отошли уже порядочно, и пора настала возвращаться и ехать дальше.

— А зачем вам Сороки? — неожиданно для себя спросил девушку Беляев. Он взял ладонь Александры в свои руки. — Что в этих Сороках делать вам, с вашей тонкой душой, с любовью к театру и литературе?

И, подумав минуту, предложил:

— Поедьте в Петербург. Вместе...

Александра испуганно выдернула руку из ладоней Беляева, торопливо, смущённо забормотала:

— Как можно, Митрофан Петрович? Что вы, что вы... Папенька увидит. Как можно?

— Подумайте, Александра Александровна, прошу вас. Я очень прошу подумать серьёзно. Если хотите, я сам поговорю с Александром Васильевичем.

— Пожалуйста, не нужно! — испуганно попросила она. — Мне рано думать об этом. Прошу вас, не нужно...

«Господи! Да что же это! — испуганно думала Александра, возвращаясь к экипажу. — Как это, вот так взять и уехать с чужим человеком в Петербург, жить с ним! Я же не могу, я боюсь, я хочу домой! Замуж? Наверное, он умный и состоятельный человек, судит о музыке, поэзии, но я же не знаю его совсем...»

...И всё-таки миновать разбойников не удалось. За двадцать вёрст до первой Нюхчи почтовая карета скатилась с очередной горки и пересекла мосток через ручей. Теперь они оказались в глухом распадке среди высоченных елей. Где-то в вышине они глухо шумели вершинами. Скалы поднялись по обочинам дороги и встали тесным коридором. Стало сумеречно и тихо. Начинаясь затяжной подъём.

Однако неожиданно лошади встали. Впереди на узкой дороге стояли трое. Были они худы, оборваны и грязны.

— Слази, — скомандовал стоящий впереди мужичонка с ружьём в руках. — Приехали.

По всему видно, это был вожак. Двое других стояли позади — один с топором, другой с палкой. Вид у них был совсем не воинственный, больше жалкий и оттого отчаянный. Намаялись, видать, бегая по лесам без еды и крова.

Архип снял с пояса нагайку, медленно, оберегая ногу, спустился на землю.

— Ваше благородие, притворите дверь, — попросил он Беляева. На лице казака не было ни удивления, ни испуга, вообще ничего, что выдавало бы чувства. — Негоже девице на подобное смотреть.

Он медленно пошел навстречу разбойникам. Они сошлись, казак что-то сказал им, те в ответ загомонили, обступили казака, размахивая руками. Беляев видел, что Архип пытается их увещевать, что-то объясняет. Разбойники напирают и уже подняли было свои орудия...

«Что же теперь будет, — едва успел подумать Беляев. — Только этого нам теперь не хватает...»

Дальнейшее уместилось в секунды, да так, что Беляев ничего не успел понять. Не поднимая руки, неуловимым движением снизу Архип щёлкнул нагайкой жоака прямо в лоб. Тот уронил ружьё, схватился руками за лицо и упал на колени. Два следующих щелчка прозвучали почти одновременно...

Когда Беляев открыл дверь кибитки и спустился, разбойники ползали в дорожной пыли и выли на все лады. Казак подобрал ружьё с топором, взял у ямщика верёвку и привязал всех троих спинами друг к другу.

— Укреплю к дереву, нехай постоять, пока мы до станции доедем, — равнодушно сообщил он Беляеву. — А там пушай полиция везёт куды следоват.

Лошади медленно и трудно вытянули почтовую карету на подъём. Попутчики молчали. Каждый по-своему переживал случившееся. Страшно было подумать, что было бы, не оказись защиты.

Беляев искоса поглядывал на казака и удивлялся. Ни тени испуга, ни секунды волнения

не отразились на его лице. «Будто кузнец или плотник. Сделал свою работу, и всё, — подумал он. — А я даже испугаться не успел». И мысленно благодарил брата.

Первой нарушила молчание Александра:

— Папа, — спросила она звонким от пережитого волнения голосом. — А как им теперь от комаров отмахиваться? Заедят.

— Пусть уж потерпят, — хмуро ответил Александр Васильевич. — Отвяжем, они опять за топор.

9

В Ньюче выяснилось, что дальше сколько-нибудь приличной дороги нет, придётся пересаживаться и идти морем.

— Почту только сюда довозят, а далее уж на карбасе, — сообщил Беляеву Красильников. — И так до самой Колы...

Голос у него виноватый, словно он отвечал за состояние дорог лично.

— Бывает, в сырое лето дорога и до зимы не станет, — добавил он, не глядя на Беляева и как бы оправдываясь.

Нюча вытянулась вдоль реки на добрый километр. Низкий левый берег густо застроен добротными домами, а правый, обрывистый и высокий, венчал большой красивый храм. И выглядело так, будто всё большое село находится под сенью церковных главок и крестов. Не только с реки, но с любого двора нужно было смотреть на них чуть ли не запрокинув голову.

Тарусов сказал Беляеву, что ненадолго отлучится, и ушел. Часа через два, когда добрались до почтовой избы на краю моря и устроились отдыхать, пришёл казак. В большой корзине принёс варёное мясо, пироги с рыбой и ягодами и четверть свежего молока. Всё это оказалось очень кстати.

Пробуя вместе со всеми за большим выщербленным артельным столом невиданный доселе рыбный пирог, Архип с тихой радостью вспоминал избу на берегу реки, в которой только что гостевал, широкую крашеную лавку, жаркую печь и востроглазую хозяйкину дочь, что бросала на него быстрые взгляды из-за занавески, отгораживающей хозяйкин угол.

Впервые ему захотелось остановиться. Чувство это оказалось для него новым и возникло неожиданно. И он не понимал, почему оно возникло, что стало тому причиной. Но вдруг нестерпимо захотелось остаться здесь и жить, просто жить, может, вот с этой девкой, — а почему нет? — родить детей, построить дом и лодку, как у других, косить сено для коровы, ловить рыбу. Он ведь всё это умеет...

Но мысль показалась ему настолько несвоевременной и странной, что он постарался сразу выбросить её из головы.

Рано утром в устье реки прямо к избе из села сплавились большой карбас с четырьмя девками-гребцами и староватым мужичком-кормщиком. Невысокие, крепкие, с обветренными лицами, девки подпоясались платками, поминутно прыскали и задирали кормщика. Особенно старалась одна, старшая, с виду уже не девка, а молодая жонка. Она и вовсе старичка не щадила. Видимо, стояла за этим какая-то давняя соседская обида-поперечина. Она тут же по-своему пересадила девок на вёслах и командовала, тем самым стараясь посылнее уязвить мужичка.

В носу карбаса устроена невысокая кабинка-навес. Здесь усадили Беляева и Александра, а Красильников и Архип устроились на скамье подле.

— Долго ли нам добираться до Сумского Посада? — спросил Беляев кормщика, когда расселись и девки оттолкнули шестами карбас от низенького старого причала.

— Та тут рядом, — весело ответил кормщик. — Однако с водой уходим. Вишь, вода уходит, отлив начался...

По всему видно было, что наскоки девок не очень трогают кормщика. Он смотрел на них свысока и благодушно, как отец смотрит на неразумных детей, вздумавших немного посвоевольничать.

— За Пономарёв мыс зайдём, — продолжил мужичок, — потом до Берёзовца, а там Мягостров с «железными воротами» и вот вам Юков. А там уж и до Сумы рукой подать.

Мужичок оказался словоохотлив. Он был готов рассказать и объяснить всё что угодно, лишь бы не сидеть молча.

— Вишь, барин, ветер горный пал, значит, нам по пути. Парусок поставим да к вечеру, глядишь, бог даст, и добежим...

Беляев хотел спросить про горный ветер и что это за «железные ворота» такие, но сдержался. Словоохотливость мужичка его настожила. Как бы совсем не замучил разговорами. Он с интересом смотрел на невиданный прежде низкий в жестком тростнике берег, на редкий невысокий лес из перекрученных холдом еловых стволов, на далёкие в сизой утренней дымке острова впереди.

За годы путешествий Беляев немало повидал морей и даже, казалось, привык к ним. Оно неизменно сопровождало его на отдыхе и в деловых европейских разъездах. И до сих пор безбрежная водная гладь казалась не более чем приятным глазу театральным задником. На таком фоне легко отдохнуть в компании либо плыть куда-то по делам, рассеянно поглядывая из шезлонга через плетёные перила корабельного борта.

Белое море показалось другим. Чудилось в нём что-то строгое, рабочее и одновременно близкое, словно домашнее. Вот и весёлый ответ кормщика поддерживал это настроение. Целый день пути, а со слов, будто на другой конец деревни сходить, только мосток перейти...

И снова заставлял себя думать о будущем заводе, и снова ничего у него не получалось. Рядом, иногда задевая его плечо краем маленькой шляпки, сидела Александра. Беляев злился на себя. Он чувствовал, что время течёт не по плану, к которому привык. Он должен быть готов к разговору с управляющим в Сорке Агафеловым, должен читать документы и много думать, но...

Беляев с тревогой думал теперь о другом. Ведь доберутся они, в конце концов, до Сумского Посада, а что будет дальше — предположить невозможно. Хотя и догадывался он: там дом, мама, которую она не видала полгода. И он потеряет её...

Меж тем карбас отошел от берега на добрую версту, и попутный ветер подул в корму упруго. Кормщик скомандовал парус, и грубое полотнище захлопало на мачте, затрепетало, поймало ветер, наполнилось и с новой силой повлек-

ло карбас вдоль берегов к дальним островам на горизонте. Девки сложили вёсла, развязали узелки и принялись есть, руками отламывая рыбники и задорно хрустя луковицами.

Мужичок всё тем же весёлым голосом, ни к кому не обращаясь, а будто бы продолжая начатый разговор, заговорил будто о давно наболевшем:

— Вот, ваше благородие, полюбуйте на эту картину. Девки да жоночки молодые, как рябинки, красуются. А с годами что? Эдак их разнесёт. У одной животище и огузье, у другой в грудях два обхвата, ручища толстые, локоток — что колено. Несуразие полное. Куда всё девалось, и-и-эх! И не заметили...

Девки притихли и перестали есть. И мужчины насторожились, не зная, куда кормщик клонит и что нужно говорить при этом. Да и что тут скажешь...

Отозвалась старшая, не смолчала:

— А то не знаешь, куда девалось? Ты вот мужик, работа у тебя руками да спиной, а не нутром. Работа тебе силы прибавляет. Жонка-то твоя, известно, семь разов носила, рожала, выкармливала, обиходила дитятко. Все живеньки. Ты к этим делам не касался...

Голос у молодки начинал звенеть. Видно, не по нраву пришлось сказанное. На большое наступил:

— А сколько она серпом внаклонку жала да сено метала? Воду носила с реки на весь обиход? А грибы-ягоды? Всё на бабьей хребтине да на руках выношено. Что, разве рыбу не шкерил? Холсты-полотна разве не ткала? Не так, а? И ведь всё для тебя, для дома да для детишек старалась, нутро надсаживала, жилы тянула...

Беляев слушал молодую жонку и удивлялся. Прежде ему не доводилось встречать столько достоинства, с которым женщина держалась перед мужчиной, да ещё в глазах посторонних. Смелость её была, как ему казалось, на грани с дерзостью. При этом жонке нельзя было отказать в разумности, с которой ставила на место весёлого кормщика, посмевавшего так неловко шутить над женщинами. Возражать её доводам казалось невозможным. Он ждал, чем закончится неожиданный разговор.

— Жоночка цветёт в молодости, — добавила

она примирительно, — а уж доброту свою семейную весь век бережет. Ты соображай. Тоже вон остарел, а туда же, плетёшь чего ни попадя. Я те словом осадку дам, не стерплю...

«Да уж, — подумал Беляев. — Этакой на язык лучше не попадаться».

Бурлила за бортом быстрая зелёная вода. Тёплый летний день раскрыл небесный свод от горизонта до горизонта. Исчезло марево, и далёкие с берега морские острова приблизились, подошли, заблестели каменистыми бочками. Гребцы наелись, завязали свои узелки и запели. Песня оказалась грустная:

*Скуцно жить-то с милым дружкой в разлуке, ой-и,
Я вздыхаю тяжело.*

*Тяжело, да было времецко у нас весёлое, ой-и,
Прошла осень и зима.*

*Зима, да наступило время, время скуцной, ой-и,
Лето тёпло и весна.*

*Весна, да я весной и то дружоцка проводила, ой-и,
На морские берега.*

*Берега, да с той поры, как милый мой уехал, ой-и,
Жизнь мне стала не мила...*

— Ну что вы, девки, завели-то? — не выдержал кормщик. — Аль не о чем более поголосить, как про тоску вашу? — Никто ему на этот раз не ответил, но песню запели другую:

*Как на матушке да на Неве-реке, эх!
На Васильёвском да на славном острове.*

*На Васильёвском да на славном острове, эх!
Молодой матрос да корабли снастил, эх!*

*Молодой матрос да корабли снастил, эх!
Корабли снастил да мацты парусил.*

*Корабли снастил да мацты парусил, эх!
Как из терема да из высокого.*

*Как из терема да из высокого, эх!
Выходила к нему да красна девица...*

Песня всё не кончалась и не кончалась. Она завораживала, манила куда-то, рождала в душе особое настроение, при котором словно паришь над светлыми водами и хо-

чется только одного: чтоб парение это никогда не кончалось...

«Господи, какие простые слова», — думал Беляев. Он вслушался в размеренное пение и непривычные слуху слова и вдруг стал понимать особый распевный ритм, и смысл непривычных слов неожиданно открылся ему.

«Обычные деревенские девки, а ведь это настоящее! — подумал он с душевным восторгом. — Вот она, народная душа, о которой мы зачастую все говорим в городе». Она открылась ему, когда он и ждать не мог, здесь и сейчас, в этом большом карбасе, посреди моря. Беляев поймал себя на мысли, что никогда и нигде не слышал подобного. Песня плыла и плыла. И говорилось в ней, о чём совсем нетрудно догадаться с самого начала: молодой матрос с первого взгляда полюбил красну девицу, привёл на корабль и предложил друзьям-корабельщикам поднять паруса и умчаться с ней к себе в деревню...

Как Беляев завидовал сейчас этому матросу! Он сам хотел увезти с собой сейчас юную попутчицу, что притихла у его плеча...

— Ладно вам страдать, — снова подал голос кормщик. — Барина вон расстраиваете своим нытьём. В сон вогнали...

Беляев хотел было осадить балагура, который принял его задумчивость и закрытые глаза за сон, но не успел. Молодая жонка выкрикнула задорную частушку:

*Я страдала —
Страданула,
С моста в речку сиганула.
За тебя, за дьявола,
Цельный год проплавала.*

Ей тут же ответила другая:

*Милый глянул на меня —
Моё сердце встрепенул.
Я глазком ему мигнула.
Он, обмёныш, отвернул.*

— Это у их «коротушки» обызываются, — весело сказал кормщик, кивая на девок. — Дай им волю — могут до ночи кричать...

Карбас проходил мимо островов. Чайки изредка вскрикивали резкими голосами. Журча-

ла за бортами вода. Беляев задрёмывал, ощущая, что засыпает и Александра, приваливаясь к нему жарким лёгким телом. В эти минуты он желал только одного, чтоб плавание продолжалось вечно...

За большим мысом старичок направил карбас ближе к берегу. Скоро показался высокий лесистый остров. Они не стали обходить его морем, а, напротив, приблизились почти к самому берегу. Беляев решил, что кормщик причалит, но тот не собирался спускать парус и повёл карбас узким проходом меж материком и островом. Берег острова покрыт разлапистыми елями. Тростник желтел в материковых заливах. Крутолобые камни то тут, то там коварно выглядывали из воды. Всё так близко, что, казалось, стоит протянуть руку и коснёшься ладонью хоть с того борта, хоть с этого.

— Железные ворота! — крикнул с кормы старичок, кивком показывая на протоку впереди.

— Почему «железные»? — спросил Беляев.

— Камень кругом, — ответил кормщик, улыбаясь. — На аршин ошибись, сразу узнаешь...

За узкой и угрюмо сумеречной протокой Беляев снова увидел распахнутый простор моря без конца и края, а слева большие с воды горы. Склоны гор покрыл мелкий лес, и среди редких стволов виднелись проплешины ослепительного на солнце белого мха. Вершины отсвечивали голой, вычищенной ветрами и снегом скалой.

— Сейчас, барин, Юков пройдем, а там и в Суму ладить станем, — весело прокричал старичок Беляеву. — Спаси, Господи, хорошо идём. Да, девки?

Никто ему не ответил. Надвинув на лица платки, гребцы тихо дремали, прислонившись друг к другу плечами.

10

В Сумский Посад прибыли поздно, поужинали. Дом Красильниковых светлый, чистый и просторный, с рядом окон на тракт. В окна виднелось большое поле в цветущих травах. Укладываться на ночлег рано, и Александр Васильевич предложил Беляеву немного пройтись, «размять ноги».

— Целый день высидели в карбасе, уважаемый Митрофан Петрович. Не прогуляться ли перед сном?

Не большой любитель пеших прогулок, Беляев неохотно согласился:

— Мне в Сороки нужно, любезный Александр Васильевич. И побыстрее. Дела ждут.

— Теперь уж, пожалуй, только с утра, с утра, — весело приговаривал Красильников. — Негоже начинать дорогу к ночи.

Ему нравилось, что в доме у него столичный гость. Радовала возможность поговорить с человеком высокого положения и, наверное, знающим много.

Между тем сам Беляев тяготился разговорам. Душа его томилась необходимостью ехать к делам и страстным желанием остаться. Но Александра, казалось, ни о чём таком вовсе не думала. Она будто и вовсе забыла о нём. Она порхала по большому, просторному дому, наполненному светом и теплом, без конца бросалась обнимать и теревить матушку, убегала и возвращалась, о чём-то шепталась и громко и счастливо смеялась. «Соскучилась», — угрюмо думал Беляев, отмечая, как мало он интересен девушке. И мысли об этом были непривычны и не нравились ему.

Красильников вывел Беляева к реке. Они прошли вдоль берега к порогу. Вода переливалась светло-коричневыми струями через спины чёрных камней, шумела и завивалась в пенные жгуты. Водяная пыль висела над порогом светлым, блестящим бисером.

Место у речного порога мало подходило к разговору, и они вернулись, дошли до моста и встали под сенью высокого храма на левом берегу. Каменный храм над речным обрывом казался массивным и очень высоким.

— Вы сказывали, Александр Васильевич, что ваше назначение будто бы не готово, — напомнил Беляев их разговор в Архангельске. — Объяснитесь. Не это ли обстоятельство причина задержки вашего переезда в Сороки?

— Именно так, уважаемый Митрофан Петрович. Вы правы. Дело тут сложное. Олонецкое земство свои средства в качестве доли вложило в постройку почтового тракта Повенец — Сумский Посад. Это сто пятьдесят пять вёрст, и затраты, сами рассудите, немалые. Построе-

на и телеграфная линия, — вы, верно, знаете об этом по службе: Архангельск — Повенец — Сумский Посад. И по всему выходит, что мы связь имеем неплохую, а уездный город Кемь и Сорока остались безо всякой связи. У земства ни на что более денег нет.

— Известно ли вам, о каких суммах идёт речь?

— Будучи в Архангельске, вёл с начальством разговор об этом. Постройка линии потребует семнадцать тысяч рублей.

Они замолчали, думая каждый о своём. Чайки возвращались с моря на ночлег, шли вдоль реки одна за одной. Увидев на мосту людей, присаживались на перила моста на расстоянии вытянутой руки и косились в ожидании привычной корочки. Но корочки им не давали, и чайки тяжело снимались и с сожалением летели дальше.

Ночь подходила совсем незаметно. Не темнота, а лёгкая сумеречь опустилась на село, и воздух будто остановился.

— Я полагаю, именно с этой линией связывают ваше назначение в Сороки?

— Именно так, уважаемый Митрофан Петрович. Планы в ведомстве таковы: с постройкой линии в половине дистанции, то есть как раз в Сороке, учреждают почтово-телеграфное отделение, и меня полагают в заведование.

«Да уж, семнадцать тысяч — это немало, — подумал Беляев. — Очень немало. Пожалуй, стоимость старого отцовского завода в Унице...»

Конечно, он не обеднеет, вложив такую сумму в дело развития края. И брата убедить ему удастся вполне. В губернии помощь тоже не останется незамеченной, а это важно для товарищества на будущее. Что там говорить — для всего фамильного дела важно. Он помнил не раз сказанное отцом: «Сегодня глупо сэкономишь рубль — завтра потеряешь сотню». Беляев знал и другое: для Красильникова устройство линии означает едва ли не всё: успешную карьеру в будущем, чин титулярного советника, право на личное дворянство и вполне обеспеченную семью.

«Надо хорошенько подумать и всё взвесить, — решил Беляев, и мысли его снова вернулись к Александру. — Ведь и для неё это обеспечен-

ное положение в обществе. Хотя какое здесь общество? Да и в Сороках не лучше».

Мысль перевести Александру поближе к заводам ему нравилась.

— Оставим этот разговор до поры, — мягко предложил Беляев. И добавил: — Разделаемся с сороцким заводом, а там посмотрим...

Он вспомнил об экономии, что сулили новые пути сплава брёвен, но говорить ничего не стал. Все расчёты должны быть проверены практикой. И уже в следующем году можно будет прикидывать дополнительные ассигнования из свободных средств. Да и будут ли они, свободные...

— Вас, я отметил, заинтересовало поморское пение, — оживился Красильников. — Завтра женщины соберутся у Ворониных на бесёду. Песни станут петь. Не соблаговолите присутствовать?

— Что такое?

— Собираются по договорённости в избе и поют наши старинные песни. Я, грешный, люблю иной раз с Александрой послушать. Прелюбопытнo, доложу вам.

— Я полагал, с утра в дорогу.

— Поедете после обеда. Тут пятьдесят вёрст и тракт хороший. К ночи будете в Сороках. Уверяю, не пожалеете. Нигде боле не поют, как у нас.

Беляев вспомнил девок в карбасе и тёплое чувство, что родилось в душе от неведомых ему прежде необыкновенных песен, и решил. Тем более случай подсказывал ему повод задержаться и ещё раз, теперь всерьёз, объясниться с Александрой.

После обеда Митрофан Петрович сидел в глубине повозки на пути в Сороку. Погруженный в воспоминания от «бесёды», он улыбался в бороду и тихо радовался. Как это вышло там, у этих немолодых жонок, что начали они с песни, которая оказалась не в бровь, а в глаз. То ли угадали что-то бабьим своим умом, то ли само вышло, словно бы шуткой над гостями, трудно было понять. Как только они с Красильниковым и Александрой сели на широкую крашеную лавку под образа, куда указала хозяйка, её подруги в расшитых ярких платьях вдруг затянули:

*...Там да зять да у тёщи
Сидит за столы дубовыма,
За скатертямы за бельчатыма.*

*Он ест да пьёт, воскушает,
На каждый час воспоминаёт
Свою-то богосужену невесту,
Надюшку да хорошую,
Николаевну да пригожую...*

И потом, когда распелись и даже степенно «сходили», как сказала хозяйка, некий танец, нет да нет в куплетах протяжных распевных песен проскакивала мысль о жениховстве. «К чему бы это, — настороженно думал Беляев. — Что они всё о жениховстве да о жениховстве...»

Оказалось, поморские свадьбы — отдельный обряд, целая история с увертюрой и финалом. «Это же народный спектакль! — с восторгом узнавания думал Беляев. — Это же настоящая народная опера!»

Потом, когда простились и Беляев в благодарность подал хозяйке рубль, она сказала строго:

— Приезжай-ко, барин, после Крещенья. Свадьбы станем играть. Ты, я вижу, любитель. Попоем тебе, поплачем и порадуюсь. А теперь мужики все на море, придут только к Успенью. Свадеб летами не бывает у нас.

И поклонилась Беляеву в пояс.

И такое-то пение услышал он, такая-то радость наполнила душу, что до сих пор томилась она радостью и восторгом.

«Не знаем о настоящем, о народном, о своём, — думал с досадой. — Ничего не знаем. А не знаем мы, что же знает Европа? Нам шотландские волынщики известны боле своих артистов. Странно это и неправильно».

Поговорить с Александрой наедине так и не довелось. Она избегала разговора и держалась рядом с отцом. «Не хочет ещё раз отказывать», — решил Беляев. Странно, но ему поведение девушки нравилось. Оно оставляло надежду. Прощаясь и задержав её мягкую ладонь в своей, он подтвердил приглашение в школу и сказал, что с завершением строительства и отделки здания управляющий Агафелов пришлёт письмо. По приезде в Сороку Александра Александровна снимет квартиру, плату за которую внесёт завод.

Красильников радостно кивал и горячо благодарил Беляева. Александра снова, как и при прежнем их разговоре в Архангельске, слегка покраснела и молчала, потупив глаза. Но руки теперь не отдернула.

Невысокий и редкий лес справа и слева от тракта перемежался большими пространствами болот. Справа иногда открывался вид на море. Громадное полотнище сверкающей в лучах полуденного солнца воды у самого горизонта было отмечено тёмными пятнами далёких островов. И не видно отсюда, каменистые они либо поросли лесом.

«Да, сурова природа в этом краю, — думал Беляев. — Тут, на берегу, какой лес? Что из него выйдет? Потому и в глубь материка забираться нужно. Платить за перегон и речной сплав. Как ни крути, а дорогонько сиё станет».

И тут же в памяти возникло лицо мистера Уолкера в Лондоне, его заговорщицкий вид и нежное поглаживание древесного среза: «Дорогая древесина, мистер Беляев. Нигде такой нет». «Она и в заготовке дорого обходится, — подумал он сейчас. — Но ничего, ничего, своё мы возьмём...»

Уже поздно вечером за неширокой мелковатой рекой они увидели ровное безлесое пространство болота. А за ним, в глубине, у самого горизонта показались огоньки Сороки. Пока переправлялись паромом, пока проезжали болото, солнце опустилось за горизонт и снова начало подниматься. Вечер перешел в утро.

Повозка остановилась у широкого крыльца просторного дома о двух этажах из свежего жёлтого бревна. Невысокий худощавый человек в форменной фуражке инженера представился Беляеву. Митрофан Петрович, пожав руку, тотчас отпустил его до утра: «Завтра всё, господин Агафелов, завтра. Нынче нам отдыхать».

11

«Что за страна, — ворочаясь на кровати, думал казак Архип Тарусов. — Ночито, почитай, совсем нету. Как тут уснёшь?»

Он присматривался к Беляеву. Казака удивляло отсутствие привычной в состоятельных людях скарденности и обычая без нужды понукать. В Беляеве он чувствовал широту и прямую, иногда жестковатую требовательность. Он так же относился и к себе. И Архип не жалел, что вызвался в поездку. «Край земли, но и здесь люди живут, — думал он расслабленно, засыпая. — Посмотрим...»

Да, ночи не было, а усталость была. Хоть молод и силён, а раны забывать о себе не дают. И снилось молодому казаку то же, что приходило бессонными ночами в тяжёлом воспалённом забытии в госпитальной палате: родной хутор да родительский дом. Чаще всего в дремотном видении являлась мать. Будто возвращаются с отцом из похода, а она стоит у тына — загорелая, молодая, весёлая. Отец только свесится, бывало, с седла, слегка приобнимет мать и тронет коня дальше, до крыльца. А он обязательно бросит стремя, спрыгнет на землю и прижмёт её к груди, тёплую и родную. Мама никогда не плакала при встрече, как другие, только светила тихим женским счастьем.

Отец участвовал в Крымской войне, был в первой линии в знаменитом рейде на Малаховом кургане в ночь на 28 ноября 1855 года под Севастополем. Там, где солдаты сделать ничего не смогли, исход дела в жёстком ночном бою решили казаки-пластуны. А погиб позже. Попал с товарищами в засаду, из которой выбрались только трое из десяти.

С десяти лет отец начал брать его в походы. Архип к тому времени уже многое мог из того, что положено казаку. «Механоша» — называли таких сыновей, отцовых помощников. Ух, и трудна пластунская наука! Спервоначала-то на тебе костёр да каша, а потом... Что такое «стрельба на хруст», «волчья пасть» или «лисий хвост»? Эти пластунские секретные приёмы нужно было не только понять, но усвоить, а затем на деле в поле показать своё понятие. А проверяльщики-то были, ох, ох, ох!

Тарусов вспомнил, как уже опытного и, как ему казалось тогда, ко всему готового в семнадцать лет его проверил отец. Они шли степью, и на одном из курганов отец предложил вроде в шутку:

— Оставайся, слушай сакму, а я уйду туда, — он показал в сторону станичной окраины. — А выйду у тебя за спиной. «Слушать сакму», то есть быть настороже, прислушиваться к земле, не стучат ли где-то в степи копыта чужих коней.

Ему и сейчас стыдно за тогдашнюю молодую самоуверенность.

— Не выйдешь. Как тут выйти — всё как на ладони...

Отец ускакал, а через полчаса на него налетел станичный табун. Скакали кони, стоял топот сотен копыт. Он был начеку, но никак не мог взять в толк, с чего бы табуну лететь в неурочный час и кто его спугнул. Так стоял, пока сзади не услышал голос отца.

— Что стоишь, пластун хренов! Мать к ужину ждёт...

«Ничего нет случайного в нашей войне, — говорил ему отец. — Думай, думай и думай». Сколько раз помогала отцова наука, если и не побеждать, так оставаться живым.

И ещё ему снилась востроглазая девушка из Нюхчи. Будто гуляют они вдвоём по берегу быстрой реки. Он чувствует её руку, касается плечом, а от неё пахнет жаркой печью и рыбными пирогами, которых он никогда не пробовал раньше. И ему легко и радостно так, что хочется летать...

Утром не успели выпить чаю, пришёл управляющий.

— Позавтракать успели? — спросил Агафелова Беляев. — А то мы с Архипом ещё чаёвничаем.

Агафелов сказал, что подождёт во дворе.

— Закончим и поедем смотреть стройку, — объявил Беляев.

— Ваше высокородие, может, сначала планы показать, документы, — предложил управляющий.

— Сначала посмотрим, что делается на земле, милостивый государь Кузьма Яковлевич, а потом уж бумаги станем изучать, — ответил Беляев строго, отставляя недопитый стакан. — Мы же с вами от дела кормимся, а не от бумаг.

От дома Беляева до строящегося лесозавода оказалось недалеко. Низкое болотистое пространство ровно спускалось к устью поро-

жистой реки. У самого берега, меж серых скалистых террас десятки рабочих заканчивали строительство верха просторного, вытянутого к воде здания. Неподалеку, уже выстроенные, сверкали большими окнами два дощатых барака заводских служб, а прямо на земле на прочном широком основании стояла высокая труба. На строительной площадке звенели пилы и стучали топоры. Куда ни кинь взгляд, всюду виднелись белые рубахи плотников.

— Днями закончим перекрывать крышу пильного цеха и устроим бревнотаски, — перекрывая голосом стук топоров, объяснял Агафелов. — Видите, уже проложили основание от торца до бассейна?

— А машина придёт, станки, как будете, стены в цеху ломать?

— Так мы же торцы не зашили, — обиженно пояснил Агафелов. — Фундаменты готовы, затазем лошадьми по каткам и укрепим. Мы с понятием, — всё ещё обижаясь, закончил управляющий.

Торцовые стенки будущего лесопильного цеха на самом деле оказались не закрыты. Беляев с Агафеловым и Тарусовым прошли по отливающим смолистой желтизной полам и спустились вниз. Оказалось, под полом есть ещё один этаж. Тут стояли готовые фундаменты под пильные рамы. Какие-то механизмы были уже установлены, другие только устанавливали с помощью лебёдок и канатных талей.

Управляющий провёл Беляева к берегу, показал, где будут накапливать и сортировать запас брёвен перед подачей в распил. Оплотника ещё не завели, и залив, который скоро запрут боновым заграждением, выглядел просторным.

— Как полагаете, Кузьма Яковлевич, на какое количество брёвен хватит здесь места?

— Мы прикидывали. Примерно запас на двое-трое суток работы.

— Необходимо поставить на присмотр дельного человека, — дал поручение Беляев. — Не дай бог порвёт оплотник, брёвна по морю собирать придётся, и завод встанет. Течение реки здесь сильное.

— Сделаем, ваше высокородие, — поспешно ответил Агафелов. — Уже присмотрели такого. Он и море знает, и лесное дело.

Беляеву нравилась распорядительность Ага-

фелова, его ревностное отношение и то, как идут дела на стройке. Сообщили, что завтра с утра придёт судно с паровым котлом и станками. День-два уйдут на разгрузку и доставку, ещё не меньше двух недель на наладку и пробный запуск. По всему выходило, что недели через три-четыре завод пустят в работу, конечно, пока в опытном порядке.

— Кузьма Яковлевич, а люди для работы на рамах есть на примете? Что полагаете предпринять?

— Непременно. Часть переведём с первого завода. Это опытные, будут наставниками, часть подобрали из хватких, сообразительных новичков. Они начнут здесь учиться, прямо с наладки и проб, — и, видя, что Беляеву нравится увиденное, что он расположен, управляющий продолжил уже необязательное: — У нас ведь есть опыт с первого завода. Там брали и учили совсем неготовых. Сложно было. Полочки. А теперь-то что — работай да работай...

— Не скажите, господин Агафелов, — остудил благодушие управляющего Беляев. — Теперь и пильные рамы посовременнее будут, и паровой котёл не в пример мощнее. Уши нужно держать остро...

Агафелов снова обиженно замолчал, думая про себя: «Знаем, знаем... Что нас учить, учёных...»

После осмотра завода сели в пролётку Агафелова и дворами выехали со стройплощадки. И здесь, в сотнях метров от строящихся цехов, горой лежали брёвна и тёс для настилов, работали плотники, вырубая заготовки для будущих ряжевых фундаментов. Невдалеке заметили несколько домов для работников и общежитий-казарм. В казармах жили сезонные рабочие — мужики соседних деревень, приезжающие наниматься на завод в зимнее время. Совсем на отшибе виднелись и несколько новых зданий, похоже, складов.

— А где заложили школу? — спросил Беляев. — Что-то не вижу.

— За домами, в конце вот этой улицы, — ответил Агафелов. — Я покажу план. С осени начнём строить посёлок. Дома поставим, начиная с казарм, вдоль улицы и до самого леса. Рабочих потребуется много.

— Завтра съездим и поглядим, — сказал Беляев. — А теперь домой. После обеда жду вас с документами.

После обеда Беляев пригласил Тарусова:

— Архип Иванович, мы с управляющим поработаем, а ты сходи в Сороки, посмотри, как живут люди. Чего тебе тут скучать. А утром выедем на причалы принимать механизмы. День будет тяжёлый.

— Схожу, ваше благородие.

— Ты ведь поистратился в Нюхче? — улыбнулся Беляев, вспомнив угощение, которое казак принёс им с Красильниковыми из села. — Генеральский подарок ещё не продал? Не продавай.

Архип понял, что Беляев намекает на казачьей работы стопку, которую показал ему в Вытегре.

— Возьми рубль. Негоже хозяйскому помощнику бедным себя чувствовать.

Беляев испытывал всё большее уважение к казаку за его неприхотливость и ненавязчивость. Тарусов каким-то непонятным Беляеву образом поставил себя так, что на глазах вроде бы отсутствовал, тогда как постоянно оказывался рядом. Ему не приходилось ничего повторять, он никогда ничего не переспрашивал и не просил.

Для Беляева это сотрудничество оказалось непривычно. Он чувствовал, что надо каким-то образом отблагодарить казака, дать ему возможность побыть одному, отдохнуть от его компании, как ему казалось, вынужденно обременительной для Тарусова, ещё окончательно не выздоровевшего после ранения.

Тарусов спустился к берегу, подумав при этом, что куда тут ни иди, всё одно придёшь на берег. Течение реки в этом месте казалось спокойным. Порог шумел вдалеке и поближе к другому берегу. На противоположной стороне увидел острова, крыши домов, изгороди до самой воды, коров, пасущихся на маленьких лужайках.

Собственно Сорока была там, за рекой. А здесь, на ровном, переходящем в болото пространстве, работал лесопильный завод и шло строительство другого. Эта сторона только обживалась. Уже наметилась главная улица, тут и

там вырастали дома и казармы будущего посёлка. Едва видимая к лесу, строилась и школа, которую предстоит посмотреть завтра.

«Когда-нибудь Сорока окажется здесь, на этой стороне, — подумал Архип. — Не может так быть, чтобы работа тут, а дом за рекой, куда ещё неизвестно как попасть».

Чуть ниже по течению на одном из островов заметил купол церкви и решил добраться туда, поставить свечки за отца и деда и просто постоять и помолиться про себя. Должен же быть хоть какой-то перевоз. Он пошёл по берегу, забирая вправо и тяжело переступая через скользкие камни. Наконец увидел привязанную лодку и старуху в старом просторном платье, повязанную платком, закрывающим и голову, и плечи. Женщина сидела на бревне сгорбившись, облокотив локти на колени, — не так, как обычно сидят женщины, а скорее по-мужски.

— Здравствуй, бабка! — обратился к старухе Тарусов. — Не перевезёшь ли на другой берег?

Женщина встала и обернулась. Архип удивился. Совсем не старуха стояла перед ним, а молодая женщина, наверное ровесница. Лицо бледное и усталое, под глазами чернели круги. Такие круги он видел только у раненых в госпитале. И сама она выглядела так, будто перенесла тяжёлую болезнь.

— Чего же не перевезти. Перевезу. Если пятнадцать копеек дашь.

Он помог столкнуть лодку на воду и сел на корму. Женщина взяла в руки вёсла, привычно и сильно стала загребать наискосок против течения. Он заметил, что она правит много выше того места, куда ему хотелось попасть.

— Мне бы вон на тот остров, где церковь, — показал Тарусов.

— Погоди. Там и будем, — сказала женщина. — Течение сильное, снесёт.

И впрямь... В двух десятках метров от берега лодку подхватила быстрая струя и понесла вниз. Женщине всё труднее приходилось удерживаться на течении. Она сильнее и чаще загребала левым веслом, умело выравнивая и направляя лодку на выбранном курсе.

Тарусову казалось неловким сидеть без дела, зевакой, когда женщина работает из последних сил. Он предложил:

— Дай я сяду. Тяжело ведь...

Женщина зло посмотрела на него:

— Не твоя забота. Справлюсь.

Когда миновали главную струю в самой сёрдке реки, стало полгче. Вода больше не бурлила возле бортов, и женщине на вёслах не требовалось напрягаться изо всех сил. Тем более лодка оказалась повыше того острова, на который стремился Архип, и теперь можно было просто сплавляться по течению.

— Как зовут-то тебя? — спросил Архип.

— А что, сватов пришлешь? — неохотно отозвалась она. — Смотри, я мужняя жена. — И, помолчав немного, ответила всё так же недружелюбно: — Настя я.

— А что, Настя, злая такая? Муж забижает?

Настя не ответила и отвернулась. Архипу показалось, вот-вот заплачет. Но она не заплакала.

— Я сама кого хочешь обижу.

— Да уж, заметил, — примирительно сказал Архип. — Я в церковь схожу да погуляю немного, а ты меня обратно-то перевезешь?

— Приезжий, что ли? — вопросом на вопрос ответила Настя. — Сёдни не воскресенье, чего в церкви делать? И ярманки нет, чтоб гулять. Перевезу, как не перевезти. Только я в доме буду, ребёнок у меня. Стукнешь в дверь, когда воротиться. Вон тот дом, у берега.

В церкви было прохладно и пусто. Стоял полумрак. У больших икон на стенах и в иконостасе горели лампадки. Старый служка, то ли монах, то ли алтарник, возник будто ниоткуда, выдал свечки и так же бесшумно растворился в полумраке, будто его и не было никогда.

Архип стоял перед образами, склонив голову. Он думал о деде, которого едва помнил из детства, об отце, вспоминал его жесткую, будто железную ладонь на своей голове. И маму вспомнил, всегда лёгкую, будто не бывало на её веку ни бед и ни горя, а один только сплошной праздник. И как только подумал о доме, почему-то именно здесь, в небольшой деревянной церкви, впервые явственно представилось ему, что не скоро, ой как не скоро увидит он родной дом. Годы пройдут, пока доведётся почувствовать под сапогом жёсткую выгоревшую степную траву за хутором, увидеть невысокие холмы и овраги — весь привычный с детства простор. И почему такая долгая разлука может случиться, какие причины поме-

шают дороге домой, не знал он и сейчас очень волновался. А найдись такой человек и скажи ему об этих причинах — только рассмеялся бы в ответ.

Архип стукнул в широкую дверь раз и другой, но ответом была тишина.

«Вот те раз, — удивился он. — Обманула. Мне что, куковать теперь на берегу?»

Он присел на скамеечку у крыльца и стал смотреть за реку, где на противоположном берегу шло строительство завода. Воздух в лёгком вечернем сумраке был неподвижен, и до Архипа долетали звуки пил и стук топоров. Горели костры. Работы не останавливали и по ночам. Свободных плотников, чаще всего из молодых, отряжали варить в небольших казанах кашу или уху. Величаво текла река. И над домом, над берегами, над всем пространством холодных быстрых вод открылся бездонный и величавый купол неба.

На минуту Архипу показалось, что находится сейчас не на скамье возле небольшого ладного дома, а в самом центре мироздания — безо всяких границ. А всё остальное на земле, вся эта сложная, иногда запутанная и недоступная уму жизнь, — она только вокруг него. И снова, как недавно в Нюхче, защемило в сердце. Ему захотелось остаться здесь и просто жить, жить и жить...

— Чего стучишь? Ребёнка никак не усыплю, а он стучит, — Настя вывела на крыльцо девочку лет около двух. — Подожди ещё. Соседке отведу и свезу тебя. Не спит вот, хоть чего с ней делай.

— Муж бы посидел, ничего с ним не случится.

Настя опять коротко и зло глянула на Архипа и повела девочку за калитку.

С лодкой пришлось повозиться. Воды в реке стало меньше, и лодка осталась на береговой полосе метрах в трёх от воды.

— Вода пала, — сказала Настя. — Отлив на море.

Архип не понял ни про то, почему вода «пала», ни про отлив, но переспрашивать не стал. Его обескураживало Настино недоброжелательство. Непонятно было, почему она сердится, когда он напоминает о муже. «Что-то с ней не так, — решил он. — Может, сам что не

так делаю? Поди пойми этих баб». И никак он не мог взять в толк, что же он делает такого, на что можно злиться.

— И завтра будешь на перевозе? — спросил он женщину.

— Буду. Где мне ещё быть?

— Подожди меня. Приду к вечеру. Подождёшь?

Настя отвернулась и ничего не ответила. Лодка вышла на центр реки. Течение снова повлекло её вниз, и Насте пришлось напрягать усилия, сильно загребая теперь правым веслом.

12

День назавтра и в самом деле выдался хлопотный. С утра они побывали на заводском причале. С него обычно грузили доски на иностранные пароходы. Теперь пароходов не было, их отогнали на рейд. На освободившееся место стало судно с грузом для нового завода. Разгружать паровую машину и лесопильные рамы с множеством каких-то непонятных Архипу приспособлений, механизмов и инструмента начали ещё с ночи. Теперь разгрузка подходила к концу. Массивные металлические конструкции грузили на деревянные волокуши на конной тяге и тащили к цеху.

Работа шла споро. Вмешиваться ни Агафелову, ни Беляеву нужды не было. Подпрыгивая в открытой коляске Агафелова на дорожных выбоинах, они объехали строящиеся корпуса и повернули к лесу. Площадка под будущий посёлок ещё не расчищена, но порядок улиц уже угадывался. Тут и там торчали вбитые землеустроителями колышки.

На окраине коляску остановили. Школу подвели под крышу, и теперь плотники длинными досками связывали между собой стропила. Здание задумали о двух этажах и двумя корпусами, соединёнными под прямым углом.

— Решили строить так, уважаемый Митрофан Петрович, — пояснил Агафелов. — Свету будет поболее. Осенями да зимой свету у нас бывает маловато. Край такой, Север.

— Раз решили, так и быть, — ответил Беляев. — Когда станете завершать?

— К осени и думаем. Своих детей много, да и некоторые сезонники теперь с семьями просятся. Квартиры будут, осесть захотят. Нам только с руки. А то на заводе учишь его, учишь, а он и уедет. Потом другого учить.

Беляев распорядился об Александре Красильниковой, чтоб официальное приглашение и жильё к осени были готовы.

— Видите, — рассмеялся он. — Вы ещё школу не построили, а я уже учителя нашёл.

Оказалось, Агафелов хорошо знает Красильникова и его семью и очень рад приглашению.

— Вот и хорошо, — закончил разговор Беляев. — О завершении постройки доложите телеграммой. К отъезду подайте мне список предметов, необходимых для школы.

Беляев вспомнил об Александре, и настроение у него поднялось. «Надо серьёзно поговорить на обратном пути. И лучше уговорить с собой», — думал он решительно, радуясь будущему свиданию.

Возвращались, когда Беляев попросил повернуть на причал и посмотреть, в каком состоянии разгрузка. С утра небо хмурилось, обещало дождь. А дождя бы не хотелось до поры, пока оборудование не под крышей. Но возле цеха пришлось неожиданно задержаться. Ещё издали они увидели группу мужиков, столпившихся вокруг застрявшей волокуши, слышали громкую ругань, удары и сдавленный лошадиный хрип.

Архип подогнал коляску поближе, бросил вожжи и с криком: «Ваше благородие, я счас!» бросился в толпу. Беляев услышал команду: «А ну, подайсь!» и увидел, как он расталкивает мужиков в стороны, пробираясь к лошади. Толпа разошлась, и он заметил, что задняя нога молодой кобылы провалилась сквозь треснувшую доску, волокуша накатилась и зажала копыто, будто капканом. Здоровенный возчик изо всех сил хлещет палкой кобылу по бокам; та хрипит, бьётся и падает; мужик снова хлещет, и кобыла снова встаёт и падает. Кожа на коленях у неё уже сбита в кровь...

Архип перехватил палку левой рукой, а правой отвесил мужику оплеуху. Мужик опрокинулся в толпу.

— Что ты делаешь, вор! — кричал Архип. — Что делаешь?!

Казак переломил палку о колено и бросил на землю. Меж тем мужик поднялся и, рассвирипев от того, что кто-то мешает ему распорядиться собственной лошадью, бросился на Архипа. Беляев подумал, что теперь казак пустит в ход нагайку. Но тот обошёлся без неё. Коротким ударом Архип снова уложил противника на землю. Потом крикнул: «А ну навались!» Мужики нажали, волокуша сползла с настила и освободила копыто. Архип помог кобыле вытащить ногу. Кобылу била мелкая дрожь, а казак гладил, гладил её по бокам, успокаивая: «Ну что ты, что ты? Это ничего, ничего...»

И вдруг Беляев с изумлением увидел то, чего прежде и представить себе не мог. Кобыла уткнулась лбом в плечо казака, и из глаз её вытекли две крупные прозрачные слезы. Беляев не верил себе: это были настоящие слёзы. «Да она плачет, — поразился он. — Будто человек!»

К вечеру Архип купил в лавке муки, два фунта рису, розовых сладких петушков в обёртке, сахару и чаю, завернул в холстину и пошел на берег. Настя сидела на том же месте. Теперь она не выглядела старухой. На ней было лёгкое светлое платье и белый платочек.

— Вот, — сказал он, подавая свёрток. — Принёс.

Он ожидал, что она снова возмутится и заругается. И как только нахмурилась и произнесла первые слова: «Мне не надо...», прервал строго:

— Это не тебе. Это дочери твоей.

Настя взяла свёрток и снова, как в первый раз, сжалась и замолчала. Тихо плескала у ног вечерняя волна и стекала к морю. Где-то выше бурлил и пенился едва слышимый перекат.

— У тебя нет никакого мужа, — сказал Архип. — Ты ведь одна живёшь, я вижу.

И снова подумал, что, как и раньше, Настя вскинется. Но она молчала.

— Теперь нету, — сказала она, через силу сдерживая себя и стараясь не заплакать. — Прошлой осенью мори взяло. Сети с утра похожали, а закраины встали крепко. Лёд ломили, карбас перевернули...

— Как звали его?

— Архипом.

— Я тоже Архип, — сказал он весело. Она

посмотрела на него долгим и внимательным взглядом.

— Он был постарше тебя.

— Зато я воевал, раны имею.

Она снова внимательно поглядела на него и промолчала.

— А как же ты живёшь? Чем ребёнка кормишь?

— Перевозом вот, кому куда надо. И в казачки в нынешнюю весну пошла, с детьми нянчусь.

— Куда-куда? — удивился Архип. — В какие такие казачки?

— У нас так зовут, кто по людям ходит, нанимается на разную работу.

Архип весело рассмеялся:

— Дела! Получается, ты казачка с Сороки, а я казак с Бузулука! Встрелились! — И снова весело рассмеялся.

Утром Беляев объявил, что завтра нужно уезжать.

— Пора, пора, — весело приговаривал он и что-то бубнил себе под нос. — Зажились в Сороках, а дома дела ждут.

Архип прислушался. Беляев напевал песню, что слышали в карбасе от нюхотских девок:

Как на матушке да на Неве-реке, эх!

На Васильёвском да на славном острове.

На Васильёвском да на славном острове, эх!

Молодой матрос да корабли снастил, эх!

— В Сумском Посаде ночуем, — сказал Беляев всё таким же весёлым голосом, — а потом новым трактом на Повенец и Вознесенье. В Архангельске нам боле делать нечего.

Ему нравилось думать, что скоро увидит Александру, расскажет о школе, будущем посёлке и заводе и, может, пригласит погулять вечером вдоль реки и объяснится. «Да-да, — думал он, — пора всерьёз объясниться». Он так решил.

Они побывали на действующем лесозаводе. И снова до самого обеда объезжали стройку, лазали в нижний этаж цеха, где устанавливали механизмы лесопильных рам и лебёдок, осматривали брёвнотаски и подсобные заводс-

кие службы. Беляев требовал от Агафелова посчитать возможности причалов. Продукции будет больше, убеждал он управляющего, и не оказалось бы так, что пароходы встанут в очередь и погрузка задержится.

— Смотрите не просчитайтесь, — требовал он. — Потеря времени на доделки — это потеря денег. Я вам этого не спущу.

Объявление об отъезде Архипа не порадовало. Уезжать он не хотел. И не то чтобы нравилось ему здесь. Нечему тут было нравиться пока, — вода, камни да болото. Он и сам не мог объяснить желание остаться. Он думал о Насте, её трудной судьбе. Ему очень хотелось помочь ей. Но чем, как? Он пока не знал этого.

К вечеру нашёл Настю на том же месте на берегу. Она встала навстречу, и впервые по её глазам понял: обрадовалась ему.

— Мы уезжаем завтра, — сказал он.

Она отвернулась, сжала в кулачки концы платка и прижала к лицу. Ему показалось, сейчас заплачет.

— Хочешь, останусь, — неожиданно для себя сказал он. — Выйдешь за меня?

Настя поднялась с бревна и подалась к нему, глядя прямо в глаза:

— Забижать не будешь, выйду...

Поздно вечером Тарусов постучал в комнату Беляева. На нём была чистая гимнастёрка и Георгиевский крест на жёлтой ленте, который он накануне вынул из маленького дорожного баула и тщательно расправил.

— Разрешите обратиться, ваше благородие?

— Что случилось?

Беляев оторвался от бумаг и удивлённо откинулся на спинку кресла.

— Скоро ночь на дворе, а ты будто на парад.

— Разрешите остаться в Сороках, Митрофан Петрович. Просьба моя к вам такая.

И рассказал про Настю, про желание жить, чтоб семья и дети. И про домик на том берегу, и про Настину дочь рассказал тоже.

— На что, казак, жить-то будешь? Ты не один теперь.

— Голова есть, руки на месте. Как-нибудь...

— Как-нибудь — негоже. Как-нибудь не по-русски. — Беляев на минуту задумался и пред-

ложил. — Дело твоё мужское, серьёзное, препятствовать не стану. Утром придёт Агафелов, и мы решим, как быть дальше.

Агафелов новости только обрадовался. Беляев думал, станет кривиться, головой крутить, мол, где подходящую работу сыскать казаку, а он только рад. Оказалось, заводам до зарезу нужен ходовой самостоятельный мужик. Работа ответственная. К сплавщикам ездить в Корелу, в материковые леса вдоль больших рек. Там с весны люди живут в шалашах да избушках, брёвна гоняют сплавом. И кому-то от завода надо расчёты производить, деньги доставлять, пропитанием снабжать. Да и присмотр нужен тоже.

Агафелов рассказал про какого-то Минина. Мол, приехал, а мужики его плохо приняли и даже поколотили слегка. А защиты ведь нету, лес кругом, и убить могут. Теперь боится, молит отпустить.

— Придёт зима, — добавил управляющий, весело глядя на Архипа и радуясь, что дело с надёжным человеком у него так счастливо разрешилось, — дела найдутся здесь. Склады, магазины да конюшня — всё под твою руку пойдёт. Ты грамоту знаешь?

— Знаю, — ответил Архип.

— Вот и договорились, — закончил разговор

Беляев. — Сам видел, — весело сказал он Агафелову, кивая на казака. — Этого не поколотят. — И, обращаясь к Архипу, предложил: — Через час поеду, приходи, попросимся.

Через час, усаживаясь в коляску, Беляев подал Архипу ассигнацию.

— Прими за службу. Пока заработаешь. А дом-то, наверно, уже и ремонту требует. Без мужа хозяйка жила. Я распорядился насчёт досок и прочего с завода, при нужде. К Агафелову подойди, он знает.

Коляска скрылась в мелком лесочке. Накрапывал тёплый дождь. Архип думал о Насте. Ему нравилось думать о ней и ещё о громадной, бесконечной жизни, которая ждала их впереди.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ (род. в 1947 году)

— публицист, писатель,
окончил факультет журналистики ЛГУ
и более 30 лет работал в периодических изданиях
Карелии сотрудником и главным редактором.
Лауреат международной литературной премии
Союза писателей России «Полярная звезда»,
победитель Всероссийского литературного конкурса
«Бородино» губернатора Московской области,
лауреат премии Республики Карелия
в области литературы (2008 и 2014 гг.),
премии журнала «Север» и специальной премии Союза
журналистов Карелии «За мастерство и достоинство»;
заслуженный работник культуры Российской Федерации.

